

ЮЛИЯ
НИКОЛАЕВА

НОЧЬ
С НЕЗНАКОМКОЙ

Юлия Николаева
Ночь с Незнакомкой
Серия «Ночь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Она – девчонка из детдома, привыкшая бороться за себя. Она живет одним днем и не верит в любовь. Одиночка, никого не подпускающая близко.

Он – правильный парень, у него невеста, престижная работа и обширные планы на будущее. Все, чтобы чувствовать себя счастливым. Только у него почему-то не получается.

Одна случайная ночь изменит их жизни навсегда. Он научит ее любить, она научит его жить не по правилам.

Только вот принесет ли это счастье или разрушит их жизни?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Юлия Николаева

Ночь с Незнакомкой

Глава 1

*«Я приду умереть от любви, чтобы утром
проснуться живым»...*

Сплин – Черный цвет солнца

Ди

– Не могу поверить! Не могу поверить: он хочет развестись!

Я слегка поворачиваю голову, вылавливая взглядом двух женщин в углу барной стойки справа от меня. Блондинка и рыжая, обеим лет сорок пять. Первая явно чувствует себя неудобно, то и дело косится по сторонам на редких посетителях, а когда рыжая повышает голос, и вовсе начинает шипеть на подругу.

Но той, кажется, все равно на общественное мнение. Ненакрашенная, волосы собраны в небрежный хвост, растянутая футболка и, почти уверена, бесформенные спортивные штаны. Из-за стойки мне не видно нижнюю часть. Что

ж, на лицо внушительная трещина в семейной жизни.

Разливаю заказанные коктейли по бокалам, на автомате втыкаю трубочки и зонтики и ставлю напротив подруг. Блондинка быстро мне улыбается, продолжая смотреть на рыжую с тревогой. Снова бросает взгляд на зал. Волноваться ей не о чем: стойка, сделанная буквой «П» пустует, два занятых столика находятся далеко. Так что услышать их могу только я, но мне нет дела до происходящего.

Блондинка склоняется к рыжей и начинает что-то тихо толковать. Я располагаюсь в противоположном углу и время от времени поглядываю на них. Рыжая безучастно смотрит перед собой, крутя пальцами тонкую ножку коктейльного бокала. По-моему, не слышит ничего из сказанного подругой.

Резко подтягивает к себе бокал, отчего на стойке остается мокрый след от пролитого напитка. Блондинка замолкает, нервно скрещивая пальцы в замок. Рыжая поднимает бокал на уровень глаз, рассматривает содержимое, а потом, откинув трубочку в сторону, пьет под все более изумленным взглядом блондинки.

Я вздергиваю бровь, прикидывая, выпьет ли рыжая все залпом. Намерение явно имеется, но коктейль как минимум холодный. Рыжая упорно пьет, я вижу, как дергается ее шея, словно она давится. Но бокал женщина ставит на стойку пустым. Лицо при это морщит и мелко трясет головой.

Громко выдохнув, открывает глаза, и ищет меня взгля-

дом. Я неспешно отлепляюсь от стойки и иду к ней, прихватив тряпку вытереть стойку.

– Повторите, пожалуйста, – выдает рыжая, блондинка прижимает ладони к щекам:

– О боже мой, Зоя, ты ведь не пила раньше.

– Раньше меня и муж не бросал, – парирует она, я едва заметно усмехаюсь. Если чувство юмора не потеряно, не все так плохо.

Блондинка определенно чувствует себя не в своей тарелке, к коктейлю не притронулась, мнется, продолжая стрелять глазами по сторонам.

– Зой, – говорит наконец, я не спешу делать коктейль, покручивая в руках чистый бокал, прислушиваюсь. – Я очень хочу тебя поддержать, правда. Поговорить, поплакать... Но напиться в баре – не лучшая затея, тебе не кажется? У меня у ребенка завтра выпускной в школе, я просто никак не могу...

Рыжая на мгновение растягивает губы в улыбке, потом кивает, не глядя на подругу.

– Я понимаю, Лиз, – произносит ей. – Выпускной – это важно. Ты иди, я доберусь домой на такси.

Блондинка остается на месте, кусая губы, разглядывает рыжую.

– Зой... Давай послезавтра встретимся, ладно? Выпускной пройдет, и я вся твоя, честно, захочешь – напьемся, все, что захочешь. Анька мне не простит, понимаешь, для нее это

очень важно.

– Поезжай, Лиз, – рыжая кивает, мне кажется, она уже хочет избавиться от подруги.

Та неуверенно кивает в ответ, слезая с высокого стула. Топчется, осторожно сжимает плечо рыжей, а потом так же неуверенно уходит, то и дело оглядываясь.

Как только звенит колокольчик над дверью, оповещающая об ее уходе, я отставляю бокал. Рыжая притягивает оставленный подругой коктейль, но не пьет, аккуратно крутит ножку, чтобы не расплескать, и смотрит на жидкость. Так проходит минут десять, я вздыхаю, качая головой, и беру в руки чашку.

Нет, конечно, блондинку понять можно, но все-таки рыжую муж бросил. Не факт, что это так уж плохо, если смотреть со стороны, но конечно, она переживает. Не знает, что делать дальше. Хотела забыться, поддержки не нашла. Даже странно, что в сорок пять блондинка этого не понимает. Хотя все она понимает. Просто на самом деле проблемы рыжей ей до фонаря. Не хочется ей пить и быть жилеткой. У нее своих дел полно.

Ставлю перед рыжей чашку американо и стакан воды, она переводит на меня удивленный взгляд. Первая эмоция за последние десять минут.

– Я не заказывала.

– Я в курсе. Считайте это подарком от заведения. Алкоголь вам явно пить не хочется, к тому же он вреден для здо-

ровья.

Рыжая удивленно усмехается.

– И это мне говорит бармен в баре?

– Это вам говорит Минздрав, – понижаю голос, делая серьезное лицо. – Моими, так сказать, устами ответственно предупреждает.

Она снова усмехается, но отодвигает коктейль в сторону и притягивает за блюдце кофе. Делает глоток и благодарит меня.

Я коротко улыбаюсь и интересуюсь:

– Тяжелый день?

Рыжая рассматривает меня с легким интересом, потом откидывается на спинку стула.

– Часто задаете подобный вопрос посетителям?

Я смеюсь.

– Это клише из фильмов и книг. Так что нет, не часто.

Вру, конечно. Клише или не клише, потребность говорить с барменом отчего-то живет в сердцах людей, особенно после определенной дозы алкоголя.

Рыжая еще некоторое время рассматривает меня с любопытством, потом выпрямляется, чтобы отпить кофе.

– И с чего вы решили сделать исключение ради меня?

Ну да, конечно. Раз я не болтаю с каждым проходящим, значит, выбрала ее за что-то. На самом деле предугадать поведение большинства людей не так уж сложно, особенно, когда они сами не против. Рыжей нужен собеседник, и все эти

вопросы не более чем затравка к основному: когда она решится выплеснуть на меня все, что мешает ей жить здесь и сейчас.

– Просто услышала, как вы говорили о разводе.

Она усмехается.

– Говорила? Я кричала на весь бар и умудрилась напугать подругу настолько, что она сбежала.

– Может, она не такая хорошая подруга?

– Возможно, – на секунду женщина поджимает губы, думая о чем-то своем. – Честно сказать, не настолько мы и близки. Просто... Мне хотелось с кем-то поговорить.

– О том, что вас бросил муж?

Она кивает, снова поджимая губы.

– Нашел другую?

Рыжая ставит локти на стол и проводит пальцем по ободку чашки, задумчиво рассматривая ее содержимое.

– Нет, не нашел, – наконец поднимает на меня глаза. – Наверное, если бы нашел, было бы легче. Понимаете? Можно было бы думать, что он встретил человека, которого полюбил, и это чувство оказалось настолько сильным, что перечеркнуло прошлую жизнь...

Она замолкает, часто моргая, отводит взгляд в сторону. Словно что-то вспоминает, словно ее слова были не только о муже, но и о ней самой.

– Нет, он просто... – встрепенувшись, рыжая снова по-

ворачивается ко мне. – Просто заявил, что мы совершили ошибку, когда поженились. Спутали дружбу с чем-то большим, чего на самом деле не было.

– И сколько вы были женаты?

Рыжая выдыхает, как перед прыжком в воду.

– Двадцать семь лет.

От изумления я присвистываю. Ничего себе, однако. Двадцать семь лет – это срок. Во сколько же они поженились? В восемнадцать?

– С ума сойти, да? – рыжая делает глоток кофе. – Мы были знакомы с детства. Он был моим первым... – на мгновение она замолкает, во взгляде проскальзывают нечитаемые мной эмоции. – Я, кажется, всегда знала, что выйду за него.

– Вы его любите?

Мне, правда, интересно. В большинстве случаев если люди столько лет вместе, то они не способны на развод. Слишком большой срок, слишком большая привязанность, привычка, слишком налаженная жизнь. И отсюда слишком большой страх все менять. А менять придется именно что все.

На вопрос о любви рыжая хмурится, снова погружаясь в свои мысли. Любовь – понятие расплывчатое, я бы даже сказала, слишком расплывчатое, чтобы воспринимать это явление как всерьез существующее.

Людьми управляют инстинкты, желания и эмоции, просто человеку нравится все наделять высшими смыслами, чтобы его собственная жизнь не казалась никчемной и бесполез-

ной. Вот и для рыжей понятие любви что-то значит, только на мой вопрос она не отвечает. Нервно дернув головой, натягивает улыбку и делает еще один глоток кофе.

– Я просто хочу понять его. Почему он ушел именно сейчас? Если считал, что мы зря поженились, зачем ждал столько лет?

Я пожимаю плечами.

– Дети? Вы случайно не по залету поженились?

Она усмехается, закатывая глаза.

– Нет. Мы приняли это решение вроде как осознанно.

Мда. То есть опираясь на эту самую мнимую любовь, которой в итоге не оказалось. Как следствие: куча загробленных лет и отсутствие счастья. Вот и верь после такого в любовь.

– А если бы он вернулся? – спрашиваю ее. – Пришел бы, попросил прощения. Вы бы его приняли?

Она отводит взгляд, потирая пальцами губы, размышляет над моими словами. Я вдруг осознаю: она и без моих слов об этом думала. Не хочет принимать реальность, да и он ведь может вернуться.

– Я не знаю, – рыжая обводит взглядом пространство позади меня. – Я просто не умею жить без него. Мы знакомы чуть ли не с рождения, мы вместе столько лет. Поженились, переехали в Москву, вырастили одного ребенка, второго. Каждый день вместе на протяжении двадцати семи лет. Как теперь-то? Что мне делать?

Я чешу бровь, думая над тем, что она сказала. Потом осторожно замечаю:

– По-моему, это глупо, Зоя. Вы ведь Зоя?

– Да. А вы?.. – она опускает взгляд на мой бейдж и усмехается. – Ди... Любопытно. Нравится прятаться за короткими никами? Быть кем угодно? Знать, что никто не найдет тебя, потому что Ди – это не имя, просто две буквы, которые никуда не приведут?

Она говорит это спокойно, но в каждом слове я ощущаю привкус странной горечи. Словно она говорит не обо мне, а о ком-то другом.

– В наше время спрятаться почти невозможно. Даже за коротким ником и чужой фотографией. Было бы желание – найти в интернете можно любого.

– Иногда бывает слишком поздно искать. Ладно, Ди, не обращайтесь внимания, можете звать себя, как хотите. По большому счету, это не имеет никакого значения.

Она допивает кофе под моим пристальным взглядом.

– Думаю, вам не стоит раскисать, – говорю, когда чашка громко звякает о блюде.

– Я падаю в пропасть, Ди, если интересно знать, как я себя сейчас ощущаю.

– Тогда у вас есть время подумать, как не разбиться.

Зоя усмехается, качая головой.

– Мне сорок пять. Я была в браке двадцать семь лет, один мужчина, одна жизнь на двоих. И вот он уходит. Что дальше?

Учиться жить одной?

Несколько секунд рассматриваю ее, потом достаю маленькое зеркало и замираю с ним на уровне ее лица.

– Кого видите? – задаю вопрос. Она вздергивает брови.

– Это какой-то тест? – спрашивает, бросая взгляд со своего отражения на меня, и обратно.

– Вроде того. Есть два ответа: хороший и плохой. Вам с какого начать?

– Ну... – она всматривается в меня, пытаюсь понять, что я хочу до нее донести. – Давай плохое.

– Хорошо. Никогда не думали, почему люди выбирают первым плохое?

– Не знаю... Надеются, что потом услышат хорошее, и оно перекроет плохое?

– Вы себя запустили, Зоя.

Она теряет даже в приглушенном свете бара я вижу, как еще щеки заливают красным. Рыжие вообще не умеют прятать эмоции. Бледная кожа, на которой все отражается цветом. Солнце – веснушками, волнение – пятнами, стыд – красными щеками.

– В этом нет ничего такого, – продолжаю я, опустив зеркало. – Один мужчина, привычная налаженная жизнь, кажется, так будет всегда. Что-что, а это не изменится. Он будет рядом, он видел вас всякой, и на пике расцвета, и в тяжелые времена недосыпа и нервных расстройств. Работа над собой становится не радостью, а трудом. Трудом, который, как вам

кажется, не несет в себе никакой ценности.

Странно, конечно, говорить о таком со взрослой женщиной, которая тебе в матери годится. Но мы вроде как заняли социальные роли на сегодняшний вечер, и Зоя, несмотря на личную драму, адекватно воспринимает то, что я ей говорю.

– Что ж, – дергает она бровями. – Хорошее же будет?

Я с улыбкой поднимаю руку с зеркалом напротив ее лица. Она вопросительно щурится.

– Хорошее заключается в том, что в сорок пять, даже с опухшим от слез лицом и тем, что вы на себя забили, вы остались красивой женщиной. Моя мысль покажется вам слишком кардинальной, но вы и сами это поймете, когда немного успокоитесь. Это уже случилось. Вы разводитесь. Ваша жизнь изменится, сколько бы вы не оттягивали этот момент. Лучшее, что вы можете сделать – постараться принять этот факт. Не застыть в привычном мире, а пойти дальше, как сделает ваш муж. Думаете, ему не страшно все менять? Он ведь тоже уходит в неизвестность, как и вы. Он прожил двадцать семь лет с одной женщиной, привык, увяз в этом всем. Но все же решился на то, чтобы все изменить. Значит, это возможно. И у вас тоже получится.

Зоя сидит, закусив верхнюю губу, и смотрит в пространство. Знаю, что она слышит все, что я говорю, пропускает через себя, всерьез думает о моих словах. Знаю, что рассуждать о других легко, как и раздавать советы. И на самом деле решиться послушаться совета очень сложно. Но если чело-

век понимает, что тот, кто дает совет, прав, и не будет искать отмаз и заниматься самоуничижением, то все будет хорошо.

Наконец Зоя вздыхает и улыбается мне.

– Откуда в юной девушке столько ума?

Я усмехаюсь.

– Так я же бармен. Делаю людям напитки и наблюдаю. Много наблюдаю и за разными людьми. Считаваю эмоции, анализирую, запоминаю.

– Интересно?

– Спрашиваете. К примеру, сколько эмоций может испытывать человек? Много, так? И тем не менее, это одни и те же эмоции. У всех людей. Интересно узнать, что их вызвало, какой будет цепочка этих эмоций, куда приведет. Человеческая природа, такая... одинаковая и уникальная при этом. Понимаете?

– Понимаю. Только что с этим делать? Как использовать в жизни?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. Вру, конечно. – Может, я книжку напишу?

Зоя снова улыбается. Она успокоилась, и улыбка, и взгляд стали мягкими, движения плавными.

– Спасибо за разговор, Ди. Он был мне нужен.

– Ну вот, и тащить пьяное тело никому не придется.

Зоя смеется.

– Вообще-то я совсем не пью.

– Проблемы с алкоголем?

– Не у меня, – она быстро поджимает губы. – Папа пил, когда я была маленькой. Я его очень любила, и ненавидела пьяного. Наверное, отсюда неприятие алкоголя. Он потом бросил, а спустя годы, снова запил. Ничто не помогало, он не хотел останавливаться. В итоге умер от цирроза печени.

– Мне жаль. Вы были близки?

– Да. Время, когда он не пил, было лучшим в моем детстве и юности. Я так и не начала пить. Это первый коктейль лет за двадцать, наверное.

– Ого! Тогда это просто преступление с моей стороны – позволить вам пить дальше. Завязывайте с этим гиблым делом и начинайте новую жизнь.

На ее лице мелькает страх. Она сцепляет пальцы в замок и прикладывает к губам.

– Я действительно давно не занималась собой, – говорит, глядя на меня. – Даже не представляю, с чего начинать... Может... Может, ты мне поможешь?

– Я? – вздергиваю в удивлении брови. – Каким образом?

– Не знаю. Ты умная девочка, ты понимаешь, что со мной происходит... У тебя вон целый план в голове. Помоги мне, стань моим... Как это сейчас говорят? Коучем?

Я искренне смеюсь.

– Шутите, Зоя? Вам лучше обратиться к реальному коучу.

– Нет, правда. Я заплачу. Я понимаю, что время каждого человека чего-то стоит. Просто... У меня нет близких подруг, а те, кто есть... Мы с ними сейчас как будто на раз-

ных орбитах крутимся. Для них я резко превратилась в человека из непонятного мира, в который не хочется соваться. Я не прошу таскаться со мной безвозмездно, отлично осознаю, что тебе не хочется проводить время со взрослой теткой. Давай договоримся о цене. Ты поможешь мне начать новую жизнь, я оплачу твои услуги.

Я разглядываю ее с реальным удивлением. Еще пять минут назад я была точно уверена, что вряд ли Зоя сможет сказать что-то такое, от чего я потеряю дар речи. Но я реально теряю. Такого поворота не ожидала, но он мне нравится. Это значит, Зоя уже начала действовать. Подсознательно сделала первый шаг в новую жизнь. И это круто. Это говорит о том, что она сильная.

– Хорошо, – произношу и сама не верю, что соглашаюсь.

Но черт, это может быть интересно. Новый опыт, такого у меня еще не было. И что немаловажно, мне будут за него платить. Деньги мне точно не помешают.

Глава 2

Дима

– Нууу... – тянет многозначительно Андрюха с набитым ртом. Бросаю на него взгляд, пряча улыбку, и аккуратно отправляю в рот салат.

– Ты так смотришь, как будто я должен тебе предоставить финансовый отчет о делах фирмы, – замечаю, прожевав. Друг закатывает глаза.

– Ты зануда, Димас. Нет, серьезно. Ты устроился на работу в одну из крупнейших компаний Москвы. Причем на такую должность, а ведешь себя так, как будто работаешь развозчиком в доставке. Нет, желтый костюмчик тебе, безусловно, был бы к лицу...

Я смеюсь, качая головой.

– Да ты ведь и сам все знаешь. Это мастодонт на финансовом рынке, и мне реально крупно повезло. Дело поставлено четко, народ работает, понимаешь, действительно работает, и всем интересно то, что они делают. Это круто, что подобраны такие люди. Становится понятно, почему компания держится на волне успеха столько лет. Статистика...

– Боже, я понял, – перебивает Андрюха. – Ты не принес

финансовый отчет только потому, что это незаконно. Димас, ты всерьез считаешь, что я хочу слушать про статистику?

– А про что? – вздергиваю я брови.

– Про то, как там тебе. Что за люди, какая атмосфера, кто с кем тусует, есть ли нормальные челы. Ну и от грязных подробностей тоже не откажусь.

– Извини, не успел заглянуть в отдел местных сплетен.

– Вот я даже не сомневался. А между прочим, зря. Сплетни – это огромное подспорье. Все, что люди болтают о других, это не только полезная информация об этих других, но и о тех, кто это болтает. Ты как маленький, честное слово. Как будто не знаешь, что ты можешь быть охренеть каким классным работником, но если не уживешься в коллективе, вылетишь из фирмы пинком под зад.

– Я там несколько дней, Андрюх.

– Ладно. Бабы красивые есть?

– Если я скажу, что есть, что это изменит? Ты ведь все равно их не увидишь.

– По крайней мере, я буду знать, что мой друг еще в порядке. Вот когда перестанешь смотреть на женщин, тогда все, пиши пропало.

– Тогда можешь уже писать, – усмехаюсь я, отодвигая пустую тарелку. – Ни одной не заметил.

– Ясно. Кстати, когда свадьба?

Я откидываюсь на спинку стула, вздыхая. Андрюха сочувственно морщится.

– Что, все так плохо? Маринка достала?

– Нет, все нормально. Правда. Маринка хочет этим летом. Он несколько секунд пялится на меня, доедая свой обед.

– Ну а ты?

Пожимаю плечами.

– А чего ждать?

Андрей фыркает, отодвигая тарелку.

– Это не твои слова, а ее. Не надо держать меня за идиота.

Вы вместе сколько? Семь, восемь лет?

– Восемь.

– Чего ей сейчас прикипело-то? Вам всего по двадцать шесть.

– Ты просто не признаешь институт брака.

– Эй, эй, – он показушно разводит руки в стороны. – Кому ты говоришь об институте брака? Моя матушка, напомним, двадцать лет тарабанила в ЗАГСе вот это всё про печали, радости и прочий бред. И если уж говорить о твоей любимой статистике, то она такая грустная именно потому, что большинство думают о радостях, а получают печали и бред.

– Статистика у нас, скорее, впечатляющая. Хотя и неприятно. И ты знаешь, я никогда не был против брака. Мои родители вместе почти тридцать лет, у них идеальная семья.

– Ладно, тогда почему ты так сморщился, когда я спросил про свадьбу?

– Потому что последнее время такое ощущение, что каждый считает своей святой обязанностью поинтересоваться у

меня, когда же мы с Маринкой поженимся. Это немного бесит.

Андрюха понимающе кивает и спрашивает:

– Так когда?

Я даю другу шуточный подзатыльник, он смеется, откидываясь на спинку стула.

– Брось, – говорит, отсмеявшись. – Вы идеальная пара. Восемь лет – это внушительный срок, бро, особенно при статистике, которая утверждает, что любовь умирает через три года.

Я кладу деньги в принесенный счет, Андрюха предлагает:

– Давай по кофе. Обед у тебя вроде еще не кончился? Пошли на стойку.

Вообще, заведение не однозначное. Это бар, но в дневное время, как оказалось, можно поесть. Место нашел Андрюха, решивший вытянуть меня на обед. Я попросил что-то рядом с новым офисом, потому что садиться в машину и толкаться по пробкам нет ни желания, ни времени. Это он у нас фрилансер, а я вот плотно завязан на графике. Впрочем, место ничего, можно будет заходить сюда на обед время от времени.

– Девушка, нам пожалуйста, американо и капучино. Ничего, что я заказал за тебя, милый? – Андрюха дурашливо меняет интонации, я показываю ему средний палец. Девушка-бармен только хмыкает, начиная делать кофе.

Бросаю на нее взгляд по инерции, но задерживаюсь. У

нее интересная внешность. Кажется, в крови есть якутская кровь, но она не ярко выражена, глаза необычные, с легким восточным разрезом, но при этом большие. Тонкий нос и большой рот с пухлыми губами. Темная копна волос собрана на голове небрежно, уши открыты. Необычная, сейчас редко такую встретишь.

Москва все больше напоминает мне огромный выставочный центр, где девушки соревнуются, кто больше будет похож на идеальный образец, представленный модой. Мне всегда казалось очевидным, что идеальное не может быть красивым, что красота в несовершенности, индивидуальности, эксклюзивности. Когда именно в тебе есть что-то такое, чего больше нет ни в ком.

Но современные девушки определенно со мной не согласятся. Для них это, скорее, изъясн. Они хотят иметь именно такие губы, глаза, грудь и носить именно такую одежду, как им сказали. Раньше меня это всерьез удивляло, сейчас уже привык. Но когда вижу в толпе вот такую яркую неповторимую внешность, не могу не остановиться взглядом.

Андрюха толкает меня в бок.

– Не переживай, по тебе видно, что ты самый натуральный натурал.

Я не сразу понимаю, о чем он, успел забыть о дебильной шутке, пока рассматривал девушку.

– По какому же признаку? – рассеянно интересуюсь.

– У зануд и педантов, обожающих статистику, не бывает

широких взглядов на жизнь.

– Приму это за комплимент.

Девушка ставит перед нами капучино, Андрей притягивает себе чашку.

– Всегда пожалуйста. К слову, правильных мальчиков девочки не любят.

Друг, громко отхлебнув, облизывает пенку с верхней губы. Я насмешливо качаю головой.

– Ага, они любят таких, как ты, просто ходячий секс.

– Эй, бро, вот только не надо. Ты прекрасно знаешь, что я могу склеить любую девчонку на раз-два.

– И переспать с ней раз или два.

– И что? Они, между прочим, знают, на что идут.

– Так я не спорю. Просто статистика такова, что ни одна из огромного количества девиц не захотела с тобой продолжения.

– Так, а вот это было обидно. Просто я сам не хотел, ясно? Меня устраивают отношения на одну ночь. И мы оба знаем, что между мной и тобой любая выберет меня.

Я закатываю глаза, девушка бармен как раз ставит передо мной американо.

– Спасибо, – говорю и получаю в ответ улыбку. Наверняка дежурную, но все же довольно искреннюю.

– Вот скажите, Ди, – Андрюха опирается на стойку, подаваясь вперед, чтобы прочесть имя на бейджике. – Ди – это сокращение?

– Ди – это образ жизни, – улыбается она, невольно улыбаясь на ее ответ, разглядывая с интересом.

– Прекрасно. Скажите, милая Ди, кто больше понравится девушке: веселый ненапряжный парень или педантичный зануда?

Она чуть щурится, глядя на друга, кидает быстрый взгляд на меня и снова возвращается к нему.

– Ну... – качает головой с играющей в уголках губ улыбкой. – Если зануда он, – кивает в мою сторону, – то я бы выбрала зануду.

Я посмеиваюсь, качая головой и смотрю на друга. Прекрасно понимаю, что девушка говорит это специально, чтобы задеть Андрюху, но не могу не дать себе возможность полюбоваться его реакцией.

Друг картинно хватается за сердце.

– Это заговор, – произносит торжественно. – Сознайтесь, Ди.

– Почему? – она продолжает улыбаться. – Может, он и зануда, но красивый.

Я чувствую в этот момент себя странно. Такое давно забытое ощущение, когда комплимент девушки тебе приятен, особенно, если при этом ты его не ожидаешь.

У меня нет комплексов по поводу внешности, я знаю, что хорошо выгляжу, нравлюсь девушкам. Всегда нравился. Просто когда находишься с одним человеком в отношениях много лет, ты как будто отрезаешь эту часть жизни, где есть

другие девушки, флирт, симпатии. Ты становишься для них недостижимым, они перестают рассматривать тебя вот так, как сейчас смотрела на меня эта девушка. И сам перестаешь смотреть и искать подобные взгляды. Просто потому что они больше тебе не нужны.

– Так он, значит, красивый, – разглагольствует Андрей. – А я нет?

Обиду он изображает отвратительно и даже не пытается этого скрывать. У него тоже нет проблем с самооценкой. Учитывая, сколько женщин у него было, странно было бы, тушуйся он сейчас.

– Красивый, – соглашается Ди. – Наверное, я просто люблю зануд.

Я снова усмехаюсь, качая головой и по-дурацки не могу посмотреть на девушку, хотя чувствую, как она бросает на меня взгляд. Спешно пью свой кофе, пытаюсь избавиться от неловкости, которую испытываю.

– Вот так значит, – кивает Андрей, обращаясь ко мне, – что по этому поводу говорит статистика?

– Что у каждого правила есть исключения, – улыбаюсь я ему.

– Это исключение нанесло мне сильную душевную травму.

– В следующий раз я снова угощаю, это поможет?

– Да, мне стало значительно легче.

Я все-таки поднимаю взгляд на девушку и ловлю ответ-

ный. Вежливо улыбаюсь и киваю, оставляя деньги за кофе на стойке. Она молча их забирает, но улыбаться перестает.

Я почему-то думаю об этом, когда мы выходим из бара. Все-таки любопытная девушка. Глупо было со стороны Андрюхи ее клеить, сразу же видно, она может дать отпор и вообще не в его вкусе.

– Смотри, какой ты человек, – замечает Андрюха, – мы встретились, чтобы ты рассказал о новой работе, а в итоге я так ничего и не узнал, к тому же меня отвергли из-за тебя.

Я только закатываю глаза и, кинув взгляд на часы, начинаю прощаться. До офиса минут десять ходьбы, не хочу опоздать. Друг идет на переход, чтобы нырнуть в метро, а я бодро шагаю по дороге в сторону нужного здания. На самом деле, новая работа и впрямь супер. Что-то нереальное, птица счастья, которую я чудом ухватил за хвост. И честно сказать, боюсь не удержать.

Нет, в своих силах я уверен, но страх все равно присутствует. Это шаг на новый уровень, серьезная ступень в карьерной лестнице. Даже если я проработаю в этой фирме полгода, это уже будет пункт в резюме, открывающий двери в крупные предприятия Москвы. А это очень много значит.

Да, придется вложить много сил и времени, но я к этому готов. Это с лихвой окупит себя. Должность коммерческого директора получить в принципе сложно, и раз я так близок к цели, глупо бояться.

Нынешний коммерческий перебирается в английский

офис, где до этого сидел гендир. Он решил вернуться на родину, вот и нашел себе замену в московском офисе. А я должен буду занять место здесь. Если зарекомендую себя.

Сейчас я только вникаю в дела, кажется, все по силам, но наступит момент, когда поддержка в лице Марка отправится в Англию, и я останусь один на один с этим монстром на рынке строительства. Должен буду возглавить его, и по возможности увести к еще большим высотам.

Страшно-то как, черт возьми.

Домой я попадаю только в начале десятого, усталый донельзя. Маринка выскакивает навстречу, можно сказать, порхает. Она работает недалеко от дома, ходит пешком, потому лишена необычайной радости торчать в пробках. Иногда я всерьез думаю вернуться к метро, но статус вроде как не позволяет.

– Привет, устал? – она быстро чмокает меня в щеку и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Ужин сейчас погрею, иди в душ.

Кивнув, прохожу в ванную. Стаскиваю одежду и запикиваю в стиралку, после душа натягиваю футболку и домашние штаны, висящие на крючке. Когда вхожу в кухню, тарелка с пловом уже ждет меня.

– Спасибо, – улыбаюсь Маринке, начиная есть.

Она усаживается напротив, подперев щеку локтем, углубляется в телефон. Судя по движению большого пальца, листает ленту в соцсети. Ем, наблюдая за ней, за пять минут

она ни разу не поднимает на меня глаз, из звуков – только вилка скребется о тарелку.

– Как день прошел? – задаю вопрос. Марина кидает быстрый взгляд, снова возвращая внимание телефону.

– Нормально, как обычно. А у тебя?

– Тоже. Встретился с Андреем в обед.

– Ммм... Как он?

– Нормально. Как обычно.

Я хмурюсь, понимая, что ответил теми же ничего не значащими словами, что и она мне полминуты назад. Маринка откладывает телефон и поворачивается ко мне.

– Слушай, Дим, я говорила с Надькой... Если мы хотим взять помещение на август, нужно бронировать и вносить предоплату. Уже почти все занято, самый сезон, ты понимаешь?

Я быстро доедаю плов и отодвигаю тарелку.

– Мы вроде не определились еще...

– Так я и говорю: пора. Мы обсуждаем это из года в год, сколько уже можно? Не переживай, я не буду тебя мучить свадебными вопросами, я же понимаю, новая должность требует много внимания.

Я едва заметно киваю, размышляя над ее словами. Маринка права, не первый год мы начинаем разговор о свадьбе, и каждый год так и не доходим до того, чтобы реализовать. То одно мешает, то другое. В конце концов, какой смысл тянуть? Мы вместе восемь лет, планируем жить всю жизнь

вместе. Свадьба – это просто очередной этап. Вполне закономерный.

– Хорошо, – соглашаюсь я, Маринка расширяет глаза, словно не верит тому, что слышит.

– Хорошо? – переспрашивает меня.

– Да. Мы действительно собирались пожениться, так почему не в этом году? Выбери дату, займись подготовкой.

До нее как будто только доходит, она широко открывает рот и тут же прикрывает его руками. Вскочив, налетает на меня, обнимает и осыпает лицо поцелуями.

– Димка, я так рада! Я так ждала! Наконец-то мы поженимся! Боже, неужели это случится?

Отпустив меня, хватает со стола телефон, вижу, как подрагивают ее пальцы, разблокировать удастся не с первого раза.

– Я тогда напишу Надьке. Как тебе восемнадцатое августа? Подходит?

– Да. Наверное... – я пожимаю плечами. – Это же выходной?

– Конечно. Суббота. Тогда договорились на восемнадцатое. Супер, Дим, я тебя люблю.

Она идет из кухни, по пути чмокая меня в щеку. Внимание уже в телефоне, что-то быстро пишет. Провожая ее взглядом и устало откидываюсь на спинку стула, задирая голову к потолку. Ну вот, мы женимся. Через два с половиной месяца. Да, это должно было произойти, почему не сейчас?

Хмурюсь, отгоняя прочь ненужные мысли. Все правильно.
НО.

Глава 3

Ди

– На самом деле, мало у кого получается развиваться и духовно, и физически гармонично. Обычно что-то перевешивает. Развиваешь дух, страдает тело, развиваешь тело, страдает дух. Найти золотую середину не так сложно, сложно ее держаться.

– Я говорила, что ты слишком умная для своего возраста? – улыбается Зоя, попивая безалкогольный коктейль в кафе. После СПА-процедур она разомлела, и расслабленность не дает ей загоняться о случившемся. Совсем другой человек, право слово.

– Я не такая уж маленькая, мне двадцать два.

– Поверь, это совсем немного, – она продолжает улыбаться. – Говорю тебе с высоты опыта сорокапятилетней женщины. Сознайся, ты училась на психологическом?

Я смотрю в сторону, держа в уголках губ улыбку. Я умею хорошо врать, но почему-то именно с Зоей мне это дается сложно. Может, потому что она слишком милая.

– Я училась на философском, – перевожу на нее взгляд.

– Ух ты, неожиданно.

– Когда еще в школе начинаешь интересоваться подобными темами, это может кончиться только философским.

– И... Где может работать философ?

– Зоя, что за глупые вопросы? Философ не может работать, он может только философствовать.

Она искренне смеется, мне снова становится стыдно за то, что я ей вру. Давно забытое ощущение, кстати. Раньше меня никогда не терзала моральная сторона лжи. Был только один человек, который, как Зоя сейчас, заставлял чувствовать стыд.

– Значит, ты – философствующий бармен.

– В точку.

– А твои родители, как они отнеслись к выбору такой профессии?

Я снова отвожу взгляд в сторону.

– Мамы давно нет в живых, а отец живет далеко отсюда. Он не очень интересуется моей жизнью. Если быть точной, совсем не интересуется.

Новая ложь.

– Мне жаль, Ди. Правда, жаль.

– Ничего, я привыкла.

– Встречаешься с кем-то? – переводит она тему.

– Нет, – я качаю головой. – И хватит обо мне. У нас есть еще планы.

– Правда? – Зоя вздергивает брови. – А я думала, на сегодня мы уже закончили.

– Ну уж нет. В новую жизнь надо врываться стремительно. Идем.

– Сразу предупреждаю, что красить волосы не буду, – она встает, закидывая на плечо сумочку. – Ни разу в жизни не красилась, даже мелирование не делала.

– И правильно, тебе это ни к чему. Такой цвет волос не каждый стилист сделает. Но можно подстричься, так ведь? А вообще, по плану был поход по магазинам.

– Мне уже страшно.

– И правильно, – смеюсь я.

– Нет, нет, нет, – Зоя мотает головой, даже толком не успев рассмотреть, что я подсунула ей в примерочную. Кофта и правда легкомысленная, но не настолько, чтобы ее не купить и не носить.

– Просто примерь. Не понравится, не будешь брать.

– Я не буду.

– Отлично. Тогда просто примерь.

Зоя пытается прожечь меня взглядом, но я никак не реагирую, только улыбаюсь.

– Ладно, – она забирает кофту, а я следом подкидываю еще несколько, которые держала за спиной.

– Просто примерь! – быстро говорю на ее взгляд и задергиваю штору. – И мне не забудь показаться.

Через полминуты Зоя отдергивает штору и упирает руки в боки, глядя на меня.

– Супер, – киваю я. – Берем.

Она только возмущенно открывает рот, поворачиваясь к зеркалу. Критически себя осматривает, вставая то одним боком, то другим.

– Зоя, у тебя классная фигура, тем более для твоего возраста. Ты худая, талия тонкая. Грудь небольшая, но имеется же, главное, правильно все подчеркнуть. Что и делает эта кофта. Бери, ты ведь сама хочешь.

Она опускает руки, словно сдаваясь, и поворачивается ко мне.

– Мне нравится, – признает. – Но я уверена, что не наберусь смелости ходить в ней.

– Эй, не наберется смелости прежняя Зоя, и это понятно. А ты новая Зоя, и сама не заметишь, как скоро начнешь себя чувствовать в такой одежде комфортно. Она не пошлая и не вычурная, просто подчеркивает твою фигуру. Вот и все.

– Но куда я буду в этом ходить?

– Куда? – я делаю вид, что думаю. – Например, можем попросить продавца отрезать ярлык, и ты пройдешься в ней по торговому центру. Слушай, Зоя, у твоих предков стояли за стеклом сервизы, которые доставали только для того, чтобы стереть с них пыль?

Она смеется, взгляд становится мягче, видимо, думает о своей семье.

– Намек понят, – говорит мне. – Просто... Мне кажется, все будут на меня смотреть и думать, что я молодящаяся коровушка, – она понижает голос, а я прыскаю.

Черт, иногда забываю о том, что возраст мало что играет в жизни человека. В том плане, что Зоя такой большой ребенок, со всеми тараканами и комплексами из детства, которые таким вот образом трансформировались сейчас.

– Мужики так точно не будут думать. А что касается женского пола... Поверь, когда я вижу взрослую женщину, то ничего не думаю. Мне все равно. Мне двадцать два, я живу в другой реальности. У нас разные плоскости интересов, желания и методы их достижения. Тридцатилетним тоже пофиг, у них тоже своя реальность. Максимум, они могут подумать, что было бы классно выглядеть в сорок пять, как ты. Так что единственные, кто могут назвать тебя молодящейся коровушкой, это завистливые ровесницы. Но них просто глупо обращать внимание.

Зоя, вздернув брови, снова осматривает себя в зеркало с куда большей уверенностью, чем в прошлый раз. Спину выпрямила, плечи расправила, и даже сама не заметила этого. Иногда человеку нужно всего пару слов, чтобы что-то в нем изменилось. Или положило начало изменениям. А Зоя хочет меняться, просто боится. Но все равно тянется к новой жизни, и это круто. Такого человека стоит уважать.

– Слышала фразу, что женщины одеваются не для мужчин и даже не для себя? – спрашивает Зоя, когда я запахиваю штору, чтобы она примерила следующую кофту.

– А для кого?

– Для других женщин.

Усмехаюсь, качнув головой.

– Мне кажется, в наше время женщины одеваются для социальных сетей.

– Интересно, как у них обстоят дела в реальности.

– Ну я думаю, на каждый товар найдется покупатель.

Зоя высовывает из-за шторки голову.

– Товар? – спрашивает, глядя на меня, я морщусь.

– Прости. Просто мне сложно воспринимать такой тип девушек как реальных. Они создают такую красивую картинку в интернете, что кажется, в жизни к ним просто боятся подходить. Слишком идеально – тоже не очень-то хорошо.

Зоя отодвигает штору, демонстрируя мне еще одну кофту.

– Для них есть олигархи, – говорит мне, пока я разглядываю ее.

– Наверное. С олигархами я мало знакома. Встречала только один раз.

– Правда? – Зоя смотрит с интересом. Я пожимаю плечами. – И как он? То есть я хочу сказать...

– Он необычный олигарх, – улыбаюсь ей. – По крайней мере, мне так кажется. Сравнить-то не с кем. Классный мужик.

Зоя едва заметно хмурится, щурясь, смотрит на меня еще пару секунд, потом задергивает шторку, чтобы примерить следующую кофту.

– У вас был роман? – спрашивает оттуда.

Ну конечно, не глядя в глаза, провокационные вопросы

задавать проще. Как и отвечать на них.

– Нет, – я прислоняюсь спиной к стене, сунув руки в карманы штанов. – Просто случайная встреча.

– Ясно.

Я криво улыбаюсь сама себе. Врать, когда не смотришь в глаза собеседнику, тоже значительно проще.

После того, как мы покупаем красивые шмотки в новом стиле, Зоя еще проходится по магазину и берет несколько повседневных.

– Перебери вещи дома, – советую я. – Есть такая психологическая практика. Нужно собрать и выкинуть вещи, которыми не пользуешься и которые тянут тебя назад.

– Все должно быть в порядке, – задумчиво тянет Зоя, пробегая пальцем по ряду вешалок. – Так моя мама говорила, – переводит взгляд на меня. – Она была помешана на порядке и чистоте. Раз в год перебирала все вещи, которые были в доме и вытаскивала на помойку огромные пакеты. Я все время не могла понять, откуда за год берется столько новых вещей, которые нужно выбросить. А потом поняла: это не новые, это все те же старые. Они потеряли свою значимость за год.

– Тебе от этого грустно?

– Я не знаю, – она мягко улыбается. – Не знаю. У моего папы была сумка с инструментами, одна небольшая спортивная сумка. Каждый год мама давала папе эту сумку и просила разобрать ее, потому что она в инструментах не смыслила.

– Он не разбирал?

– Нет. Обещал. Каждый год говорил, что надо, но в итоге она несколько дней стояла в углу комнаты, а потом мама отправляла ее обратно в шкаф. Когда папа умер, вдруг оказалось, что эта сумка – то небольшое, что было его, что могло бы напомнить о нем. Я полезла в нее, и оказалось, что она набита хламом. Перегоревшие лампочки, старые неработающие провода, и все в таком духе. Мне было так обидно. Как будто я открывала коробку с подарком, а она оказалась пустой.

– Но ведь что-то от него осталось?

– Много всего, – Зоя кивает, проходя к кассе. – Он был хорошим мастером по дереву. Просто я надеялась узнать о нем что-то новое, личное, что не было на виду перед моими глазами всю жизнь. Но увы...

– Давайте вещи, – девушка-кассир выдергивает нас из разговора с дежурной улыбкой на губах, Зоя на меня не смотрит, стоит, постукивая длинными тонкими пальцами по стойке.

Мне хочется ей сказать, что неловкость после откровения – это нормально. Даже между близкими людьми, и уж тем более между теми, кого ты совсем не знаешь. И что я все понимаю, и мне тоже немного неловко, потому что с чужими откровениями ведь надо что-то делать, как-то на них реагировать, так, чтобы не оттолкнуть от себя человека.

Доверие – хрупкая материя, и чтобы сохранять ее в равновесии, нужно прикладывать усилия. Для меня это и вовсе по-

что работа. Я никогда не откровенничаю с другими. Никогда не расскажу вот такое, чем со мной делится Зоя. Я слушаю, анализирую, запоминаю – чтобы понимать, что ждет меня в общении с тем или иным человеком. Так проще. Проще, чем наткнуться на острые углы, а потом залечивать раны.

Сумма, которую Зоя платит за покупки, ее определенно не волнует. Спокойно она протягивает карту, а я впервые думаю о том, откуда у нее, собственно, средства к существованию?

– Ты работаешь? – спрашиваю, когда мы идем в сторону выхода.

– Сейчас нет. Раньше работала шеф-поваром в ресторане. Она говорит название, а я присвистываю.

– Зоя, это один из самых крутых ресторанов города.

– Да, я знаю.

– Ты можешь собой гордиться.

Она улыбается краем губ, но взглядом снова уносится в свои мысли.

– Для девчонки, приехавшей из маленького южного городка, точно неплохо, – произносит в итоге. – Ты же поняла по моемуговору, что я не местная?

– Он почти незаметен.

– Еще бы, за столько лет жизни в Москве. В любом случае, сейчас я не работаю. Семь лет назад стала домохозяйкой. Муж начал неплохо зарабатывать, предложил мне уйти и заняться чем-то для души, если я захочу.

– И ты занялась?

– Нет, – она пожимает плечами. – Первое время наслаждалась тем, что не надо каждый день жить по графику, куда-то ехать, быть перед кем-то обязанной. А потом все как-то руки не доходили. Были некоторые идеи, но я их так и не воплотила.

– А сейчас?..

– Муж обещался присылать мне каждый месяц определенную сумму денег, – ее голос прорезают нотки сарказма. – Я не стала возражать, они мне пригодятся, пока я пойму, как жить дальше. Благо, дети взрослые и сами себя обеспечивают. Боже, Ди, – она останавливается и поворачивается ко мне всем телом. – Я ведь им так и не сказала.

– О разводе?

Она кивает, закусив губу.

– Просто не знаю, как. Для них мы пример идеальной семьи. И тут я должна заявить, что это не так. Они еще такие молодые, я не хочу подрывать их веру в семью.

– Все равно придется.

– Да, знаю, – она обреченно кивает и не спеша двигает дальше. – Жду подходящего момента. Старший сын с головой в работе, младший в Питере, собирался приехать в августе...

– До августа, боюсь, это не терпит, – киваю я, Зоя вздыхает, плечи опускаются. Неужели всерьез надеялась утаивать правду целых полтора месяца?

– Ди! Эй, Ди! – слышу вдруг. Мы поворачиваемся на голос вместе с Зоей. – Привет.

Высокий брюнет с шикарной улыбкой и растрепанными волосами останавливается рядом с нами. Ловит взгляд Зои и добавляет:

– Здрасьте.

– Я не ее мать, – говорит Зоя, а я с трудом давлю расплывающуюся улыбку, потому что паренек определенно сильно смешался, заметив взрослую женщину.

– О! – он выдыхает с облегчением. – Я... Я просто хотел поздороваться.

– Ну привет, – отвечаю ему. – Не помню, мы... Мы познакомились в баре?

Он вздергивает брови и растерянно моргает, глядя на меня.

– Правда, не помнишь? – спрашивает, я качаю головой.

– Да, мы познакомились в баре... – его голос теряет былую уверенность, и парень больше не улыбается. – Ты работала, и я... Дождался окончания смены, мы потом поехали ко мне. Что, не помнишь?

Я пожимаю плечами, выдавая робкую улыбку, типа извини. Я прекрасно помню этого парня. Две недели назад он пил в баре с другом, потом тот свалил с девчонкой, которую подцепил на стойке. Этот остался, мы поболтали, потом поехали к нему и занялись сексом. Он уснул, я сбежала. Ничего интересного.

– Ладно... – парень определенно не знает, как себя вести. – Просто увидел тебя и... Пожалуй, пойду.

Я киваю, он, буркнув Зое «до свидания», развернувшись, уходит. Один раз оборачивается, а может, и не один, я подталкиваю Зою в сторону выхода и уже не вижу, что он там делает.

– Кто этот парень? – интересуется она с любопытством, оглядываясь.

– Он же сказал.

– Вы, правда, познакомились в баре, а потом?.. – она запинается.

– Переспали? По всей видимости, так и было.

– Ты не помнишь? – она смотрит на меня в неверии.

– Я не могу помнить всех парней, с которыми сплю.

– А их много?

Вздыхаю и, облизнув губы, смотрю на Зою.

– Да, их много. Я не встречаюсь с парнями. Когда мне хочется развлечься, я просто знакомлюсь с кем-то в баре.

Теперь растерянно моргает Зоя, то же выражение лица, что было у парня. Я жду ее реакции. Я сказала ей правду, немного разрушила созданный мной образ. Но это же не мои проблемы, какими светлыми чертами наделила меня Зоя. Оправдывать чужие ожидания – не моя задача. Это вообще не задача ни для кого.

Глава 4

Дима

– Ди-и-им, – Маринка появляется в кухне, вытирая волосы полотенцем, на ней короткий халатик, и я невольно провожу взгляд на красивые длинные ноги. – Сколько у тебя денег в отложенных?

Поднимаю на нее взгляд, непонимающе хмурясь. Сделав глоток кофе, спрашиваю:

– А что такое?

– Хочу понимать, сколько я могу потратить на свадьбу.

– Я думал, мы скромно отпразднуем в кругу близких и махнем куда-нибудь?

Она перестает вытирать волосы и смотрит на меня, словно ожидая, что я скажу, что пошутил. Я допиваю кофе, Маринка усаживается на стул, закидывая ногу на ногу. Не удержавшись, провожу пальцем по гладкой загорелой коже. Знаю, что это заслуга солярия, но все равно ей идёт.

– Дим, – зовёт она меня, я поднимаю на нее глаза. – Давай поговорим, а? Я хочу настоящую свадьбу.

– Правда? А я думал, у нас будет фиктивный брак.

– Это не смешно. Пожалуйста, услышь меня. Я девочка,

я всю жизнь мечтала о пышной свадьбе. Чтобы все было по высшему разряду: платье, фотосессия, ресторан... И много гостей. Я хочу, чтобы этот день запомнился навсегда.

– Вряд ли я смогу его забыть, даже если мы вообще не будем праздновать.

Маринка страдальчески вздыхает, явно призывая себя к терпению. Уверена, что я просто издеваюсь над ней, но это не так. Я действительно не понимаю всех этих прелестей свадьбы на сто персон. И действительно буду помнить день нашего бракосочетания просто потому, что он случился.

Но да, не могу удержаться от легкого сарказма. Хотя на деле за ним прячется ужас. Как представлю все эти танцы, конкурсы, кучу гостей, бесконечные тосты, фотографии... Этот день я не забуду, конечно, но совсем не по той причине, по которой хотелось бы.

– Дим! – Маринка укоризненно смотрит на меня, сложив на груди руки. – Ты ведь издеваешься?

– Да наверняка, – она вздергивает брови, я чуть подаюсь вперед, чтобы положить ладонь ей на коленку. – Хорошо, Марин, если ты хочешь такую свадьбу, пусть будет такая. Только честно, я не готов всем этим заниматься. Ты же видишь, я сейчас с утра до ночи пропадаю на работе.

– Я уже сказала, что не буду тебя напрягать по пустякам, – она смягчается, наклоняясь, целует меня, проводя пальцами по щеке. Поднявшись, начинает убирать оставшуюся от завтрака посуду.

– Слушай, – поддаюсь я внезапному порыву. – Может, на медовый месяц махнем в мамин дом?

Посуда перестает звякать на пару секунд, которые Марина стоит спиной ко мне. Поворачивается с тарелкой в руках, даже не обращая внимания на то, что на пол капает пена.

– Опять издеваешься? – спрашивает, приглядываясь.

– Нет. Правда, нет. Ты ведь знаешь, я люблю этот дом.

Марина кладет тарелку в раковину, выключив воду, тщательно вытирает руки полотенцем. По ее лицу видно, что так же тщательно она подыскивает слова для меня.

– Дим, – снова садится на стул и берет меня за руки. – Дом, конечно, милейший, но... Это ведь свадебное путешествие. Что мы там будем делать? Чинить старую рыбацкую лодку? Да и пляжи там отвратительные.

– Зато прекрасные горы.

Мы смотрим друг на друга, Марина закусилла нижнюю губу и молчит. Я понимаю, о чем она думает: я или издеваюсь, или сошел с ума. Но я действительно люблю мамин дом. Если быть точным, это бабушкин дом. Бабушку я обожал. Она была строгая, но так сильно меня любила, что со мной эта строгость куда-то уходила.

Все детство я провел на юге, сначала с ней и дедом, потом только с ней, когда его не стало. Дом казался мне волшебным, созданным дедушкиным творчеством и бабушкиным умением организовать все так, что глаз не отвести. Картины на стенах, статуэтки, вышитые вручную скатерти и сал-

фетки, невообразимое количество посуды самой необычной формы.

А еще у бабушки был патефон и коробка пластинок, к которым меня допустили только в четырнадцать. Конечно, гитара, холсты с красками и мольберт, старый, его сколотил дед, он иногда рисовал... Да много чего было в том доме, что манило меня каждое лето приезжать снова и снова.

Я не был там последние четыре года. Маринке хотелось летом за границу, и я уступал. Два года назад бабушка умерла, мы ездили на похороны, но заниматься разбором вещей было некогда. Мама оставила все, как есть, заперла дом, закрыла ставни, и мы уехали. С тех пор туда так никто и не ездил.

– Как насчет Мальдив?

Марина встает, возвращаясь к посуде. Я слежу за ее движениями, потом откидываюсь на спинку стула.

– Мы обойдем остров за сутки и начнем подыхать от скуки.

– Мы будем отдыхать, Дим! Лежать на пляже, пить коктейли, плавать и наслаждаться друг другом. Ты понимаешь, о чем я?

Она успевает домыть посуду и приближается ко мне с многообещающим взглядом. Положив руки на плечи, коленом раздвигает мои ноги и встает между них.

– Медовый месяц, Дим, – наклоняется ближе, и я чувствую, как начинаю возбуждаться. – Только ты и я. Муж и

жена. Дмитрий и Марина Силантьевы.

– Умеешь ты уговаривать, – усмехаюсь я, глядя ее ноги, скольжу рукой под короткий халат, но Марина шутливо шлепает меня ладонью.

– Опоздаешь на работу, – замечает, отходя, – а ты этого терпеть не можешь.

– Точно, – я встаю и иду одеваться.

Когда выхожу в прихожую, Марина поправляет мне ворот рубашки, говоря:

– Пора переходить на новый уровень, Дим. Ты устроился на престижную работу. Это большой шаг вперед, надо учиться соответствовать.

– Например, проводить медовый месяц на Мальдивах?

– Например.

– А ты понимаешь, что я максимум выбью неделю, я ведь только устроился на работу.

Маринка целует меня с улыбкой.

– Я все понимаю, милый. Все будет хорошо.

* * *

– Дим, ты тут? – Марк хлопает меня по плечу, я досадливо морщусь на себя. Отвлекаться на работе на личные темы настолько, чтобы выпасть из беседы – это, пожалуй, перебор.

– Да, извини, – отвечаю, кашлянув, пытаюсь сообразить, что мы с Марком обсуждаем. Благо, он мужик хороший, и

не заостряет внимания на моих мелких промахах.

– Поделишься, чем так озабочен?

Я снова морщусь, отмахиваясь.

– Ничего серьезного. Свадьба вроде как в августе.

– Вроде как? – он вздергивает бровь, усаживаясь в кресло и начиная покачиваться из стороны в сторону.

– То есть точно, – улыбаюсь я. – Просто все решилось неожиданно, и теперь надо сделать так, чтобы все смогли, плюс ресторан, и тому подобное. Моя... – я на мгновение сбиваюсь, а потом произношу слова, словно пробуя их на вкус. – Моя будущая жена как раз всем этим занимается.

Моя будущая жена. Странно, но я не могу соотнести эти слова с Мариной всерьез. То есть мы вместе восемь лет, и с этим нет проблем. Я понимаю, что проживу с ней всю жизнь, если будет угодно судьбе. Но впервые словно осознаю, что жена – это что-то другое, не то, что было у нас с Мариной до сих пор. Жаль только, что обдумать этот факт некогда.

– Сочувствую, – отвечает Марк. – Все, что касается свадьбы, вызывает у баб нервную истерию. Поэтому не советую спорить с ней. По большому счету, тебе ведь плевать, какие будут скатерти на столах и ленточки на стене?

Я смеюсь, качая головой.

– Меньше всего я думаю о ленточках. Но с этим все нормально, Марина понимает, что мне не до того.

– Повезло, – Марк откидывается на спинку кресла. – Моя доставала меня по каждой мелочи. Мне иногда кажется, мы

и развелись из-за этих дурацких ленточек.

Мы вместе смеемся, он продолжает:

– Это, конечно, шутка, хотя только отчасти. Ты думаешь, что женишься на самой прекрасной женщине на свете, а потом она задалбывает тебя ленточками, ложечками, подушками и прочей фигней. А ты ее в ответ. В итоге эти вроде бы незаметные сходу мелочи заполняют всю вашу совместную жизнь и уничтожают ее изнутри. Быт, мой друг, одно из тяжелых испытаний брака.

– Мы вместе восемь лет, так что быт нам уже не страшен, – улыбаюсь на это. Марк только хмыкает и, наклоняясь вперед, ставит локти на стол.

– Все меняется, Дима, когда появляется штамп в паспорте.

– Каким образом? – я складываю на груди руки.

– Это для тебя свадьба – условность, дань традиции. Ты женишься, уверенный в том, что ничего не изменится, ведь вы вместе много лет. Но для женщин все не так, друг мой. Для них – это как наконец выдохнуть полной грудью. Пойми, когда вы просто живете вместе, женщина не чувствует себя уверенной в будущем, хоть двадцать лет просыпайтесь в одной постели. Она находится в подвешенном состоянии, которое не дает ее расслабиться. Можно сказать, держит в тонусе. А замужество – это серьезный шаг вперед. Женщина начинает думать, что ты уже никуда не денешься от нее, можно расслабиться, забить на себя, на тебя, а еще можно нако-

нец заняться тем, что они любят больше всего – лепить из тебя то, что нужно им. А если не лепится, то можно сожрать тебя с потрохами на вполне законных основаниях. Жена же.

Я только качаю головой.

– У тебя просто неудачный опыт, Марк, – замечаю ему. – Мы с Мариной познакомились на первом курсе, вместе учились, выросли, преодолевали препятствия. Мы уже столько прошли, что штамп в паспорте нам точно не страшен.

Марк только усмехается, разглядывая меня.

– Поговорим через полгода, – подытоживает, бросая взгляд на часы. – Так, нам пора на совещание.

* * *

– Дим, – кричит Маринка из кухни, – переведи мне на карту деньги, я тебе в телеге написала сумму.

Я откладываю книгу и осматриваюсь вокруг в поисках телефона. Он находится возле ноутбука на компьютерном столе. Сажусь в кресло, разблокируя экран. В этом плане я оказался прав: Маринка не сильно меня мучает свадебными вопросами. Она только присылает суммы с короткой пометкой, на что они нужны. Типа «украшение зала» или «свадебный букет». Но сегодняшняя цифра вызывает удивление. Она, прямо скажем, немаленькая.

– А это за что? – кричу в ответ, потому что приписки нет.

– Аренда ресторана!

Мотнув головой, иду в кухню. Замираю на пороге, наблюдая, как Маринка строчит в телефоне.

– А чем этот ресторан так уникален? Почему именно он?

Она поднимает непонимающий взгляд. Кажется, за эти пять дней моего молчаливого перевода сумм и не думала, что я могу о чем-то спросить.

– Потому что он классный. Это престижный ресторан, Дим. А лето – самый сезон для свадеб. Нам еще повезло, что Надька держала для меня место на всякий случай. И она дала скидку двадцать процентов.

Я молчу, почему-то вспоминая слова Марка. Сложно не признать, что как только мы решились на свадьбу, Марина стала одержимой. Она мне всегда казалась крайне разумной, щепетильной даже, а тут просто помешательство. Вот и сейчас вижу по ее взгляду, что она будет бороться за этот дебильный ресторан до последнего. Мы бывали там пару раз, по мне, так просто претенциозное место, много пафоса, никакой индивидуальности в стиле. Короче, скучно.

– Пожалуйста, – голос Маринки становится немного плаксивым. – Дим, я просто хочу, чтобы все было идеально. Это же наша с тобой свадьба.

Я сглатываю, словно таким образом пытаюсь сам себя заткнуть. Марк же прав: по большому счету мне все равно, а ей это важно.

– Хорошо, – киваю, – сейчас переведу деньги, и давай собираться, ужин с моими родителями уже скоро.

Маринка облегченно выдыхая, бросается мне на шею.

– Спасибо, Дим, – осыпает лицо поцелуями, – ты у меня лучший.

Глава 5

Дима

– Привет, милый, – мама обнимает меня, крепко прижимая к себе, и целует в щеку. – Марина, здравствуй.

Они обнимаются, и мы усаживаемся за стол.

– Отлично выглядишь, мам, – делаю ей комплимент. – Ты сегодня как будто какая-то другая.

Она мягко улыбается, опуская голову. Я не могу понять, что именно в ней не так, наверное, потому что привык. Вроде бы кардинально ничего не поменялось, но все-таки что-то иначе.

– Немного поменяла стиль, – замечает мама, поправляя кофту.

И точно, она обычно в чем-то более свободном, а сегодня по фигуре. Ей идет. Для своего возраста мама – просто шикарная женщина.

– Вам очень к лицу, Зоя Николаевна, – улыбается Марина.

– Спасибо, – кивает мама в ответ.

У них странные отношения, всегда так было. Мама никогда не выказывала недовольства в сторону Марины, да и нечего там выказывать. Нам хорошо вместе, что еще нужно?

Но я не чувствовал теплоты, которую мама обычно излучала ко всем людям. Сначала меня это немного коробило, но ни та, ни другая сторона не выглядели недовольно, и я забил. Если им комфортно, лучше не ввязываться.

– А где папа? Я думал, вы вместе приедете, – спрашиваю маму, она растерянно моргает, потирая пальцами ладонь.

– Он скоро появится. Вот-вот должен приехать. Какие-то дела.

Я хмурюсь, разглядывая ее. Моя мама не умеет врать. То есть от слова совсем. У нее каждая эмоция на лице написана. Она сразу напрягается, ведет себя странно, и голос выше становится. Да ей это и самой претит, поэтому если надо о чем-то умолчать, она постарается сделать так, чтобы об этом не зашел разговор, отлично зная, что иначе спалится.

– А вот и он! – мама слишком явно радуется появлению отца, но я оборачиваюсь, переводя на него взгляд. Поднявшись, пожимаю руку.

– Где задержался? – спрашиваю, когда он садится. Они с мамой быстро переглядываются. Так, что-то меня это уже напрягает. – Что происходит?

– Ты ему не сказала? – интересуется папа у мамы. Она вздыхает, потирая ладонью лоб и прикрывая глаза. – И Владу не сказала?

– Не сказала что? – в груди неприятно тянет, а в голову сразу лезут страшилки. Кто-то болен, умирает?

Мама переводит на меня обреченный взгляд.

– Милый, тут такое дело... Мы с папой решили развестись.

Несколько секунд я сижу в тупом оцепенении, потом неуверенно усмехаюсь, переводя взгляд с мамы на отца.

– Это что, шутка такая? – задаю вопрос. Кидаю взгляд на Маринку, она расширила в изумлении глаза и даже рот открыла.

– Нет, сын, это не шутка, – отвечает отец. – Прости, я думал, мама тебе уже рассказала... Понимаю, это трудно принять, но так будет лучше.

– Лучше? – я не могу убрать с лица дебильную улыбку неверия. – Как так может быть лучше? Вы же... Вы же столько лет вместе! Вы же любите друг друга!

Они снова переглядываются, отец отворачивается, мать опускает глаза. Отлично! Да что блин вообще происходит?!

– Вы ведь любите? – спрашиваю уже с куда меньшей уверенностью. Должны ведь любить. Иначе как бы они прожили вместе столько лет?

– Милый, – мама смотрит на меня и подбирает слова так осторожно, словно я психопат с ружьем наперевес, готовый в любой момент расстрелять всех присутствующих в зале. – Конечно, мы с папой любим друг друга. Но эта любовь... Она немного другая. Мы были знакомы с детства, понимаешь? И... Были сильно привязаны друг к другу. Пожениться казалось правильным решением.

– И? Спустя почти тридцать лет вы поняли, что оно непра-

вильное?

– Дим, давай спокойней, – хмурится отец. – Я понимаю твои чувства, но ты пойми нас. Да, тридцать лет большой срок, да, мы оба уже не молоды, но это не значит, что мы не имеем право на счастье.

– Так вы что, не счастливы? – я искренне не понимаю, что происходит.

Такое ощущение, что устойчивая картинка реальности начинает распадаться на фрагменты, и я просто дезориентирован в том, что сейчас меня окружает.

Как же так может быть?

Картинки моей жизни валяются на меня из багажа памяти, не давая разумно думать. Их много, так много за эти двадцать шесть лет, что я мог бы оказаться под ними погребен. Если бы только они не рассыпались в пепел от того, что я сейчас услышал. Я рос счастливым ребенком в любящей семье. Двадцать шесть долбанных лет я считал свою семью счастливой и любящей. А на деле выходит, что ничего этого не было?

– Сынок, я знаю, что тебе сложно, – снова начинает мама. – Конечно, мы были счастливы. Мы были семьей, родился ты, я до сих пор помню это невероятное ощущение, когда впервые взяла тебя на руки... У нас было много неповторимых и счастливых моментов, милый. Но...

Она замолкает, не находя слов, переводит взгляд на папу и снова отворачивается, вытирая слезы в уголках глаз.

– Но что? – не выдерживаю я. – Я просто не могу понять... Как вы пришли к такому решению? Еще неделю назад мы вместе обедали, и ничего не предвещало...

– Это моя инициатива, – выдает отец, и повисает долгая пауза.

Мама опустила голову, прикрыв глаза, Маринка вовсе растекается по стулу, надеясь, что на нее никто не обратит внимания. Если уж она в шоке, что говорить обо мне.

Папа бросает маму. Не они решили разойтись, нет. Он ее бросает. После стольких лет брака, после всего хорошего, что она для него сделала. Да лучше нее никого нет, сложно представить более любящего, искреннего и доброго человека, чем мама. Как он мог так с ней поступить?

– Почему? – меня хватает только на этот вопрос.

– Я уже объяснил, Дим. Мы оба заслуживаем счастья. Я люблю твою маму, да, но это не та любовь. Это нежность, привязанность, чувство благодарности, дружба... Что угодно, только не любовь. Я знал это с самого начала, но как сказала Зоя, все считали брак правильным. На нас давили родители, и мы уступили. А потом родился ты, не мог же я бросить Зою с младенцем на руках?.. Дальше переезд, рождение Влада... Одно цепляется за другое, понимаешь?

Я киваю, одновременно пожимая плечами. Понимаю ли я? Нет. Не хочу понимать. Мама и папа всегда были идеалом семьи. Я равнялся на них, когда думал о будущем. А теперь оказывается, равняться было не на что. Не было ника-

кой любви. Дружба, нежность, что там еще... Бред собачий.

Я перевожу взгляд на маму, чувствуя, как сжимается сердце. Ей-то каково сейчас? Она, возможно, и не подозревала, что папе стукнет в голову. Ждала его с работы, как обычно, готовила ужин, и тут нате вам. Черт...

– Мам, ты вообще как? – спрашиваю ее.

Отец, сжав челюсти, снова отворачивается. Стыдно смотреть ей в глаза? И правильно. Она пострадала, он нанес ей этот удар осознанно. Это меня так, осколками зацепило, а основная зона поражения – вот она, напротив, прячет глаза, полные слезы.

– Нормально, сынок, правда, – быстро вытерев слезы, мама натягивает улыбку, но уголки губ словно против ее воли опускаются вниз.

Ничего у нее не нормально. Она ведь не рассказала, одна все это переваривала, сидя в пустой квартире. Плакала наверняка. Я сжимаю кулаки, чувствуя в этот момент к отцу самую настоящую ненависть. Как он мог так жестоко с ней поступить? Зачем жил столько лет, если не любил? Одно цеплялось за другое, а потом перестало? Только обязательства друг перед другом их держали вместе, так выходит? И дурацкая привычка?

Я перевожу взгляд на Маринку, она выглядит так, словно мечтает оказаться отсюда за тысячу километров. Впрочем, ей точно мало радости смотреть на то, как разрушается чужая семья. Ей приходится тут сидеть из-за меня. Нелепо, но

я вдруг думаю о том, что это тоже вроде обязательства. И что у нас с Мариной этих обязательств друг перед другом выше крыши. И далеко не все я считаю разумными.

Я перевожу взгляд на отца, словно начиная понимать, о чем он только что говорил. И сам теряюсь от этого осознания.

Затянувшуюся паузу разрезает голос Марины:

– А мы... Мы с Димой хотели вам сказать, что решили в августе пожениться.

Ди

Протираю стойку, поглядывая на часы. Вечер субботы – второй адовый рабочий день для бармена после пятницы. Тем более летом, народу тьма, не продохнуть. Беру в руки телефон и пишу Зое:

«Как все прошло?»

Сегодня у нее встреча с сыном, и он наконец узнает, что родители решили развестись. Зоя так волновалась, что написала мне бесчисленное множество смс на эту тему и такое же бесчисленное множество извинений, что достает. Выглядит дело умилительно.

Зоя вообще необычная, я готова это признать. Она как будто по умолчанию хорошая. От нее исходит свет и тепло, даже в такой ситуации, когда сама разбита, она умудряется не обделять вниманием того, кто рядом.

Все-таки ничего ее муж не понимает в женщинах, если решил уйти. Хотя... Тут каждому свое. Иногда сложно понять, почему тебя тянет к одному человеку и не тянет к другому. К такому, который, кажется, во всем идеален и тебе подходит. Его не хочется, а хочется кого-то совершенно неподходящего. Не в плане жуткого придурка, нет, парень может быть вполне нормальным, просто вы с ним разные.

Химия – штука сложная и одновременно простая. Сразу понятно: тянет или нет – а вот почему так происходит, это вопрос, на который стоит искать ответа у психологов. Они умеют разложить по полочкам любое, даже невероятное проявление чувств.

– Диана, – слышу я и, вздрогнув, хмурюсь. Отложив телефон, снова начинаю натирать и без того чистую стойку. Макс, хозяин бара, подходит ближе. – Ты сегодня до закрытия?

– Да.

Не поднимаю на него глаз, надеясь, что он уйдет. Я имела глупость закрутить с ним роман. Макс симпатичный мужик, ему тридцать шесть, не женат, хорошо шутит, но любит давить авторитетом. Несколько раз мы переспали, я решила, что хватит, но Макс никак не успокоится. Достает каждый раз, когда мы пересекаемся. Не знаю, чего хочет добиться, кроме растущего раздражения между нами уже не осталось ничего.

– Может, после смены заедем ко мне? – вот и сейчас спра-

шивает, опираясь на стойку и понижая голос. Я устало откидываю тряпку и поднимаю на него глаза.

– Мы вроде обо всем договорились, разве нет?

– Это ты сказала, что тебе надоело. Мне не надоело.

– Должен быть обоюдный интерес, иначе какое удовольствие?

– А у тебя, значит, нет интереса? – недобро щурится Макс, я вздыхаю. – Брось, Диана, я прекрасно знаю, что ты постоянно клеишь кого-нибудь в баре, чтобы развлечься. Непонятные парни, которые могут одарить какой-нибудь заразой. Нам же было хорошо вместе. Перестань ломаться.

– Я не ломаюсь. Я просто не хочу с тобой спать. Вообще.

Он смотрит на меня, сжав челюсти, я отвожу взгляд, постукивая пальцами по стойке. Хоть бы какой посетитель зашел, чтобы Макс наконец отвалил от меня.

– А знаешь, Диана, – он улыбается, но я отлично вижу, что от этой улыбки не стоит ждать ничего хорошего. – Я тут подумал, мне не нужны бармены, которые нарушают субординацию и спят со всеми подряд. Еще придет кто-нибудь жаловаться, что подхватил от тебя что-то.

– Ты меня увольняешь? – смотрю на него, не веря.

– В точку. Отработаешь две недели и можешь быть свободна. Заявление от сегодняшнего числа оставь в папке для документов, я завтра подпишу.

– Серьезно? За то, что я тебе отказала?

Макс хмыкает.

– Нет, милая. За то, что ты сначала дала, а потом отказала. Умные девочки так не делают. Не забудь про заявление.

Он вальяжно уходит, явно довольный собой, я провожаю его взглядом, и только когда дверь в коридор закрывается, чертыхаюсь. Зашибись.

Знаю, что сама виновата. Не стоило спать с начальством. Но все равно обидно. Как же это не вовремя! Мне как раз надо искать новую квартиру, потому что с той, что снимаю сейчас, попросили. И работа очень нужна. Полный отстой.

Конечно, Зоя мне неплохо платит, но эта кратковременная акция щедрости скоро закончится. Как только она немного придет в себя и поймет, куда ей двигаться дальше.

Словно в ответ этим мыслям телефон вибрирует, оповещающая о входящем сообщении. Зоя.

«Прошло не очень хорошо, сын сильно расстроен»

Покусав губу, пишу ответ:

«Это нормально. У него шок, потому что привычная картина мира исказилась. Дай ему время. У него ведь есть девушка, она его успокоит, потом и сама с ним поговоришь»

Зоя отвечает не сразу, я отвлекаюсь на двух пришедших девушек, делаю им кофе.

«Наверное, ты права. Как там твои планы, еще что-то придумала для меня?»

Невольно улыбаюсь. Странно чувствовать себя подругой взрослой женщины, хотя Зоя в этом плане меня не напрягает. Куда ее еще утащить, чтобы помочь развеяться? Па-

рикмахерская, салон красоты? Магазин нижнего белья? Ой, много чего можно придумать, конечно.

«У меня завтра выходной. Ты как?»

«Свободна» – отвечает она сразу, я улыбаюсь.

Договариваемся о времени, и становится не до разговоров: начинается тот самый вечер субботы, пьяный, веселый, беззаботный и безудержный. Если, конечно, ты по другую сторону барной стойки.

Потому что мой вечер субботы – это духота, запах алкоголя, который сначала раздражает, а потом настолько пропитывает воздух, что перестаешь его чувствовать, постоянные «девушка!», стаканы, чашки, шейкеры, и все это в течение многих часов на ногах.

Работа бармена преувеличенно романизирована. Небрежно протирать стакан, с улыбкой философствуя с одиноким ковбоем за стойкой – это увы, мечта. В будние дни народу не так много, но зачастую говорить с теми, кто приходит, просто не хочется. Редко когда попадается экземпляр вроде Зои.

Обычно люди дебилно шутят или заливают горе в угрюмом молчании. Или, что бывает чаще всего, сидят в телефонах, предпочитая виртуальное общение живому. Время салунов и разговоров неизбежно кануло в лету, и сейчас бармен – неприметный обслуживающий персонал, лица которого даже не запоминаешь.

Впрочем, вечером пятницы и субботы и о таком некогда думать. Ни о чем не думаешь вообще, кроме как бы не сдох-

нуть до конца смены. Реальность сужается до барной стойки, дежурной улыбки, и часов, показывающих время. Даже мне в двадцать два тяжело к концу смены. Неудивительно, что в официанты и бармены берут молодежь – выносливость здесь необходимое качество.

Я периодически смотрю на гостей бара, надеясь встретить кого-нибудь интересного. Мне не мешает расслабиться сегодня, и раз уж Макс назвал меня шлюхой, нет повода не соответствовать. Меня за это увольняют, в конце концов.

Отмечаю пару симпатичных парней, а потом перевожу взгляд на дверь и удивленно вздергиваю брови. Помню этих друзей: весельчак и зануда. Вот только никак не ожидала увидеть тут. Зануду так точно. Он определенно из категории парней, предпочитающих более спокойные заведения.

Они протискиваются по залу в сторону свободного столика в углу, а я почему-то думаю, что вечер может оказаться интересным.

Глава 6

Дима

Откинув ключи на тумбочку, стягиваю обувь и прохожу в гостиную. Падаю на диван, запуская руки в волосы.

– Дурдом. Полный дурдом.

Встреча прошла совсем не так, как я себе представлял. Думал, папа с мамой обрадуются, что мы с Маринкой наконец решили пожениться. Они, в отличие от остальных, редко спрашивали нас об этом. Мама не считала это тактичным, да и просто не хотела, чтобы я торопился. Теперь понятно, почему.

Потому что они поторопились с браком. Это то, что я еще услышал после громогласного заявления Марины о свадьбе.

Меньше всего я был готов ее обсуждать, да и не стал. Просто перебил родительские возгласы, которые казались чересчур наигранными. Конечно, им не терпелось сменить тему. А вот мне нет. Я хотел знать все.

Они поторопились. Дружбу приняли за нечто большое, а потом беременность, ребенок и так далее, как снежный ком. И оказывается, отец хотел уйти не раз, только духу не хватало. А вот сейчас хватило.

В итоге мы уезжаем с Мариной, так ничего и не рассказав толком о свадьбе. В такси едем в молчании, она пару раз гладит меня по плечу, но в разговор не ввязывается. Маринка не из тех, кто ведет беседы на подобные темы в присутствии посторонних. Будет упорно молчать до дома просто потому, что нас может услышать таксист. А мне лично плевать и на таксиста, и на официантов, и на всех остальных. Я бы предпочел, чтобы она меня сейчас поддержала, но это невозможно. Вдруг кто-то что-то не то подумает.

Глухое раздражение начинает выбираться из груди. Я понимаю, что хочу выплеснуть на кого-то эмоции, но Марина – не лучший вариант.

Она присаживается на низкий столик напротив меня.

– Ты как, Дим? – спрашивает осторожно. Я пожимаю плечами.

– Полный отстой.

– Согласна. Это все так не в тему сейчас...

Я непонимающе хмурюсь.

– Ну мы собрались жениться, они разводятся... – начинает она объяснять. – Одно с другим плохо стыкуется. И как их теперь на банкете сажать? Вроде бы надо вместе, родители же, с другой стороны...

– Ты серьезно? – перебиваю ее. – Ты сейчас думаешь о банкете? Папа бросил маму, понимаешь? Они жили столько лет, и каждый из них был по-своему несчастлив, потому что этот брак был навязан им. Ты вообще представляешь, как им

сейчас тяжело? А ты думаешь о банкете. Да я плевать хотел на этот банкет!

Резко поднявшись, так что Маринка отшатывается, подхожу к окну. Смотрю на темную улицу, по которой размазаны желтые пятна фонарей. Не могу поверить. Просто не могу.

– Дим, я понимаю, что тебе тяжело, – Маринка подходит, кладет руку мне на плечо. – Просто ты эмоциональный, а я рациональная. Помнишь, мы с тобой так всегда говорили. Это идеальное дополнение друг другу.

Поворачиваю к ней лицо: она неуверенно улыбается. Ловлю себя на том, что впервые за много лет смотрю на нее как будто со стороны. Высокая, красивая. Светлые волосы аккуратно уложены, легкий макияж подчеркивает большие глаза и линию губ.

Почему-то вспоминаю, как впервые увидел ее в институте. Она показалась мне идеальной. В ней была красота, и не было вычурности, пошлости. Она не носила вызывающих нарядов, но одежда всегда подчеркивала ее индивидуальность. Этим она меня и зацепила. Мне казалось, что она особенная – не гонится за модой, а старается быть собой.

У нас действительно было шутка про эмоциональность и рациональность. Когда мы начали встречаться, я был окрылен. Таскал ее по интересным местам, мы гуляли ночами, один раз я остановил поливальную машину и упросил взять нас с собой. Мы ехали по ночному городу вдоль набережной

и смотрели на улицы.

Я всегда выбирал ей цветы с причудливыми названиями, вместо клубов водил в джаз-бары или на тематические вечеринки.

Время зарождения отношений – самое прекрасное и самое неоднозначное. Вы стараетесь понравиться друг другу, принимаете все, что дает другой, с радостью, даже если это не совсем оправдывает ваши ожидания. Так было и с нами.

Я не замечал, что на самом деле индивидуальность Маринки было рациональностью. Она предпочитала держаться золотой середины, разумно рассуждая, что таким образом будет восприниматься благосклонно всеми.

Уже много позже моя эмоциональность и ее рациональность стали смешиваться в странный причудливый коктейль. Оказалось, она любит розы – классика. И маленьким барам предпочитает фешенебельные рестораны с белыми скатертями. Тоже классика.

Как любая пара, мы стали притираться друг к другу. То, что восхищало, понемногу теряло краски, повседневная жизнь стала показывать другие наши стороны – когда ты просто живешь бок о бок, а не пытаешься несколько раз в неделю устроить человеку праздник, чтобы сделать его счастливее.

Я никогда не говорил ей, что шутка про идеальное сочетание эмоциональности и рациональности мне не нравится. Я сам не заметил, как в этой обычной жизни с другим чело-

веком изменился. Как Маринкина золотая середина вошла сначала в нашу квартиру, превратив ее в классическое жилье молодой пары с ровными полками и классическими картинами на стене, большим прямоугольным столом в кухне и стильным гарнитуром.

Мои пластинки, плакаты, гитара, дорожный знак и много чего еще – все это постепенно исчезло, сделав нашу квартиру безликой стандартной картинкой каталога мебели известного бренда.

А потом стал меняться я сам. Я хотел зарабатывать, но первые два года после института выходило не очень. Маринка сразу после окончания устроилась на работу, там она трудится и сейчас. И квартиру мы купили в том же районе, потому что удобно, и место хорошее.

Я перебирал разные профессии, пока Марина не взялась за меня. Вытащила успевший запылиться диплом об образовании, составила резюме и разослала по компаниям, которые считала перспективными.

Дело пошло в гору. Я оказался в офисе и за два года совершил путь от обычного менеджера до коммерческого директора. А потом подвернулось это место, я рискнул и не прогадал.

Наверное, все правильно. Я должен сказать Маринке спасибо. Мне нравится работать, нравится занимать эту должность, но иногда я думаю: действительно ли этого я хотел? И осталось ли во мне хоть немного того, что было в начале на-

ших отношений с ней? Или я тоже стал рациональным, потеряв какие бы то ни было эмоции?

– Ну ты чего, Дим? – она часто моргает, потому что я продолжаю молча на нее смотреть. Отхожу в сторону, Марина тут же отдергивает руку. – Ладно, прости, – кидает дальше. – Конечно, твои родители мне дороги, но это их жизнь, Дим. Они так решили.

Усмехнувшись, смотрю на нее.

– Я знаю. Но от этого мне не менее больно. Представь, что твои предки решили развестись, заявив, что они не любили друг друга.

– Это вряд ли, – хмыкает она, складывая на груди руки. Нервничает, защищается. – Ты же знаешь, они очень простые, без этих заморочек. Я хотела сказать, – тут же быстро добавляет, поймав мой взгляд: – В Москве у людей другие ценности, и они живут иначе.

Я еще смотрю на нее, а потом спрашиваю:

– А как будем жить мы, Марин?

– В каком смысле? – хмурится она.

– В прямом. Мы женимся. Становимся семьей. На всю жизнь.

– И? Мы же не с бухты барахты женимся, как твои предки. Тогда было модно рано жениться, вот они и ошиблись... Но мы уже столько лет вместе.

– Да, – киваю ей. – Мы вместе много лет.

– Слушай, ты меня пугаешь, что с тобой вообще? – она

подходит и берет мое лицо в свои ладони, заставляя смотреть ей в глаза. – Тебе нельзя расклеиваться, Дим. У тебя новая работа, которая требует внимательности и собранности. У нас свадьба скоро...

– А я хочу, – скидываю ее руки и отхожу в сторону. – Я хочу расклеиться. Нет, – мотаю головой. – Не расклеиться. Расслабиться. Выдохнуть. У меня такое ощущение, что я хрен знает сколько времени живу в напряге. Потому что постоянно должен оправдывать чьи-то ожидания. Начальников на работе, родителей, друзей, твои ожидания. У тебя же просто миллион ожиданий на мой счет!

– Что? – она сжимает плотно губы, начиная злиться. – Знаешь, Дим, это неблагодарно с твоей стороны говорить мне подобное. Я тащила нашу семью после института, когда ты не мог устроиться на толковую работу. Именно я все взяла в свои руки и нашла тебе подходящую должность...

– Подходящую для кого, Марин?

Она разглядывает меня, как будто видит впервые.

– Подходящую для тебя, для нас, – говорит в итоге. – Чтобы ты достойно зарабатывал и имел отличные перспективы в будущем.

– А меня ты спросила, чего я хотел? Какой работы?

– Что за глупости? – фыркает она, снова складывая руки на груди. – Все хотят иметь нормальную работу. А о такой, как у тебя, некоторые даже мечтать не могут.

Я смотрю на нее, качая головой. Я не знаю, что со мной

происходит, почему я все это говорю именно сейчас. Наверное, нервы от случившегося, а еще...

Еще сама ситуация. Если человек принимает решение уйти, значит, внутри он дошел до точки невозврата. Значит, желание уйти и начать новую жизнь становится настолько сильным, что ты готов причинить боль дорогому тебе человеку.

Я верю, что мама с папой действительно нежно привязаны друг к другу. Невозможно не привязаться, когда столько лет вместе, и в этом «вместе» есть много хорошего, не только плохое.

Но он все равно уходит от нее. Потому что желание любить кого-то другого, любить на самом деле, а не быть нежно привязанным, превозобладало, невзирая на годы, чувства и обязательства.

Я ведь собираюсь жениться на этой женщине. Но люблю ли я ее той любовью, о которой говорил сегодня отец?

Нет, допускаю, что он и сам порядком запутался. Кризис среднего возраста, недовольство собой и все в этом духе, что можно оправдать высоким чувством.

Но это ведь не отменяет того факта, что я больше не схожу с ума по той девочке, которую увидел в институте. Я больше не считаю ее идеальной, наоборот, вся ее идеальность кажется мне теперь ненастоящей. Я действительно верил, что раз она рациональней меня, то стоит прислушиваться и делать, как она говорит.

Но только где в этом всем теперь я? Где? Я снова вспоминаю слова Марка о том, что жена будет кроить мужа под свой лад. И кажется, меня перекроили еще до свадьбы. И я сам виноват, сам позволил. Просто...

– Ты ведь совсем не знаешь меня, – вырывается само собой пришедшее в голову озарение. Марина вздергивает брови в неподдельном изумлении.

– Ты сейчас шутишь, Дим? – произносит неуверенно.

Сколько раз она, черт возьми, произносила эти слова в моменты, когда я совсем не шутил?! Сколько раз доказывала мне, что не нужно хвататься за то, что не приносит пользы? Что нужно уметь вписываться в какие-то рамки и границы, навязанные обществом. Общаться с определенными людьми, ходить в определенные места.

Когда я хотел совсем другого, а она даже не понимала этого.

Я всегда поддерживал ее. Даже если для себя выбрал бы другое. Уважал ее выбор, то, что нравится и хочется делать ей. Старался понять, чем он живет, чтобы сделать ее счастливой.

Она же тихо, почти незаметно, отсеяла все то, что ей не нравилось во мне, то, что она считала лишним в представлениях о своей идеальной жизни.

– Я хочу побыть один.

Развернувшись, иду в прихожую и начинаю обуваться. Марина топчется в стороне.

– Я не понимаю, что происходит? – спрашивает, когда выпрямляюсь, я только усмехаюсь.

– Почему-то я этому совсем не удивлен.

Вечерний город окутывает прохладой. Сначала я просто иду, не думая, куда, подставляя лицо легкому летнему ветерку. Внутри все напряжено, как пружина. Все-таки не выдержал. Сорвался, выплеснул все на Маринку.

Зря.

И все-таки понимаю, я не сказал ничего такого, о чем не думал бы в действительности. Наверное, я был не прав, что вообще молчал. Сначала думал, что так будет лучше, а потом привык так жить. Но после заявления отца внутри как будто что-то всколыхнулось.

Погано это признавать, но в чем-то он прав. Они оба заслуживают счастья. Ведь если папа не любит маму, значит, она всю жизнь жила без любви, как бы он ни окружал ее заботой. И не могла она этого не чувствовать. Это же мама. Она же такая светлая, ясная... Она любит так, как никто не умеет.

Неужели, и правда, это была ошибка? Их родители настояли, они не сопротивлялись, и вот...

Я бы так не хотел. Столько лет и как будто в никуда. Невзирая на все хорошее, что было, сейчас-то больно, страшно, одиноко. А когда думаешь, что это можно было просто не допустить, и возможно, все сложилось бы иначе...

Я достаю телефон, игнорируя сообщения и пропущенные

от Марины. Набираю на память номер, чтобы не рыться в записной книжке. Она отвечает почти сразу.

– Мам, – сглатываю в горле ком. – Можно я приеду сейчас?

Глава 7

Дима

– А потом ты обмакнул Влада лицом в торт, – смеется мама, я прикрываю глаза, тоже посмеиваясь.

– Отличный вышел день рождения, – говорю, делая глоток успевшего остыть чая.

– Да, это точно.

Мама улыбается, глядя на меня, я отвечаю тем же. Мы болтаем уже минут сорок, и все никак не коснемся главной темы. Я только вглядываюсь в ее глаза, слежу за голосом и движениями, пытаюсь понять, каково ей сейчас.

– Как ты, мам? – спрашиваю наконец. Улыбка на ее лице блекнет, но снова возвращается, правда, уже грустная.

– Лучше, чем когда это все случилось.

– Почему сразу не сказала?

Она пожимает плечами, вертя в руках чашку.

– Наверное, сама не верила, что это всерьез. А потом не хотела на вас сваливать.

– Мам, мы семья, сваливай на нас все, пожалуйста.

Она улыбается, сжимая мою ладонь своей.

– Спасибо, что зашел, Дим. Я отлично понимаю, что тебе

сейчас тоже сложно. Но возможно, твой отец прав: так действительно будет лучше.

– Правда, так думаешь? – всматриваюсь в нее. Она задумчиво переводит взгляд на окно, теребя в руках нитку чайного пакетика.

– Сложнее всего признавать свои ошибки, – произносит, не поворачиваясь. – Когда ты долгое время внушал себе, что все нормально, все так живут, когда смирился и поверил, что у тебя все хорошо... А потом все рушится, и оказывается, что на самом деле ты только обманывал себя... Это больно. – Мама переводит на меня взгляд. – Больно осознавать, что ты сам виноват в том, что случилось. Знаешь... В ночь перед свадьбой я сбежала из дома.

– Что? – смотрю на нее в изумлении.

Такое поведение совсем у меня с ней не ассоциируется. Мама всегда была милой, скромной, но при этом самодостаточной, без нужды кому-то что-то доказывать. Даже когда стала шеф-поваром в крутом ресторане, не поменялась. Представить ее сбегающей из дома, выше моих сил.

Мама кивает, закусывая губу.

– Я сомневалась, Дим. Не была уверена, что выйти замуж за Виталика – правильное решение. Хотела сходить к морю, подумать под шум прибоя.

– И... что надумала? – спрашиваю осторожно, боясь спугнуть откровение.

Мама хмурится, сжимая губы, в ее взгляде пробегают что-

то тяжелое, похожее на отчаяние человека, потерявшего кого-то близкого. Чуть судорожно выдыхает, прикрыв глаза, а потом снова смотрит на меня уже прямо, спокойно.

– Ничего не надумала. Встретила твоего отца... – она замолкает и выдавливает улыбку. – Он был пьян, я довезла его домой. Его родители просили у меня прощения, я уже тогда была для них как член семьи. И я подумала: ну чего ты мечешься, Зоя, все правильно, все так, как должно быть. Я думала, у него по-другому, понимаешь? Что Виталик любит меня.

– И пожертвовала собой ради его счастья, – киваю я, сжимая ручку чашки. Злость на отца снова возникает словно из ниоткуда.

– Не вини его, он поступил так же. Мы оба виноваты. Вместо того, чтобы искренне поговорить друг с другом, мы просто шли туда, куда нас подталкивали.

Я отворачиваюсь к окну. Даже сейчас, в такой ситуации, мама его оправдывает. Удивительно сильный человек.

– Ну а ты? – спрашивает, я поворачиваюсь к ней. – Значит, решили пожениться с Мариной...

Я киваю, потому что не могу выдавить из себя даже элементарного «да». Тру переносицу. Растерянность от всего происходящего коренится в сознании, не давая мыслить рационально.

– Уверен?

Мама разглядывает меня внимательно, я хмурюсь.

– Почему ты об этом спрашиваешь, мам?

Она пожимает плечами. Поднявшись, начинает убирать со стола.

– Марина хорошая девочка, – говорит, моя чашки. – И если вы счастливы вместе, то я только рада.

Счастливы вместе... А счастливы ли мы? Что я мог бы ответить маме? Что мы столько лет вместе, что жениться – логичный шаг? Мама должна будет рассмеяться мне в лицо за такое, и правильно сделает.

– Просто знай, – она кладет мне руки на плечи, подойдя сзади, и наклоняется к лицу. – Что я поддержу тебя в любом случае, какое бы решение ты ни принял.

В сердце колет, а в горле подозрительно дерет. Мама всегда меня поддерживала, это правда. Именно она научила меня видеть за каждым человеком уникальное. Находить яркое и самобытное в самом обычном окружении. Вычленять то, что действительно ценно, за что надо держаться в жизни. Учила быть собой, вопреки всему, что против этого.

В эту секунду я чувствую себя предателем, променявшим все это на удобный мирок, который мне даже не нравится. К которому я, черт возьми, просто привык. Как привыкли когда-то мои родители.

– Спасибо, мам, – сжимаю ее ладонь. – Наверное, я пойду, поздно уже.

Я снова оказываюсь на улице, и честно сказать, настроение стало ещё хуже. Мне хочется отдохнуть, забыться хотя бы на небольшой промежуток времени. Отпустить ситуацию и вернуться к ней завтра, когда эмоции немного утихнут.

Благо, на этот случай есть алкоголь. И Андрей, который поможет мне его употребить. Я редко пью, не вижу смысла заливать в себя отраву ради сомнительного удовольствия от пьяной эйфории. Плюс похмелье тоже существенный минус. Один вечер вроде как веселья, и следующий день выпал из жизни целиком. Нерационально.

Но иногда нужно. Как сейчас.

– Ты пугаешь меня, друг, – заявляет Андрей, когда мы встречаемся возле метро. – Звонишь в такое время, зовёшь в бар, голос томный... – он замолкает, взглянув на меня, дурацкий тон пропадает: – Что случилось, Дим?

Я только вздыхаю.

– Предки разводятся, мы с Мариной поссорились. И на этом все, ладно? Давай просто выпьем.

Андрюха открывает рот, глядя на меня, потом кивает.

– Офигеть, – выдает все же, теперь киваю я.

– Пошли.

Не знаю, как так выходит, что первый попавшийся нам бар – тот самый, где мы обедали с Андреем несколько дней

назад. Я кидаю взгляд на барную стойку и останавливаюсь, увидев девушку-бармена, которая обслуживала нас в прошлый раз.

Мотнув головой, иду дальше, к единственному свободно-му столику в углу. Алкоголь пробирает быстро, и я теряю счёт времени. Музыка, разговоры, пьяный смех вокруг, горьковатый запах, пропитавший воздух, размазанная картинка перед глазами... И никаких ненужных мыслей.

– Точно доберешься, Димас? – голос друга раздается как будто через пелену, я с трудом поднимаю голову, опущенную на руки. Пытаюсь сфокусировать взгляд на Андрее, к которому прижимается какая-то девица. – Давай я тебя в такси посажу.

– Все нормально, – пьяно мотаю головой, – я ещё побуду. Удачной ночи.

– Ну смотри, – Андрюха хлопает меня по плечу, – если что, звони.

– Конечно.

Он уходит, я отворачиваюсь от двери и пялюсь перед собой. Сколько времени, интересно? А зачем мне знать? Поздно домой возвращаться не стоит. Да по фиг. А где Андрюха, мы же вместе пили...

Я осматриваю зал, пытаюсь понять, что вообще тут делаю. Надо домой, но у меня нет сил. Нужно немного передохнуть, потом подняться и вызвать такси. Отличный план. Я опускаю голову на руки и закрываю глаза. Вот так намного луч-

ше. Чуть-чуть полежать, только не спать. Спать нельзя, хотя очень хочется. Просто полежать, немного отдохнуть. Немного...

* * *

Я с трудом разлепляю глаза, даже в полутемной комнате их словно режет от света. Алкоголь, бар... Черт, я напился так сильно впервые в жизни, кажется. Башка каменная, и во рту пустыня. Как я до дома добрался? Ничего не помню.

Тяжело вздохнув, широко открываю глаза и вижу перед собой белую стену, увешанную картинами и вырезками из журналов. Что это ещё такое? Аккуратно сажусь, осматриваюсь. Я не дома. Комната определенно принадлежит девушке. На мне только трусы, джинсы валяются рядом с диваном, на полу.

Что происходит?

Мысли в голову лезут не самые радужные, я быстро натягиваю джинсы, уже не чувствуя похмелья. Бутылка с водой, заботливо оставленная кем-то на тумбочке, очень кстати. Выпиваю почти целиком, а потом аккуратно выхожу в узкий коридор и натываюсь взглядом на свои кроссовки. На лево маленькая кухня, пустая. Напротив ещё одна дверь, видимо, в санузел. Она вдруг распаивается, от неожиданности я вздрагиваю.

– О, проснулся, привет.

Смотрю на белозубую улыбку девушки, потом перевожу взгляд ниже: она в моей рубашке.

– Девушка бармен, – произношу неуверенно.

– Ди.

– Точно.

Она продолжает улыбаться, как ни в чем не бывало, а вот у меня в мозгах полная каша и лёгкая паника. Как я тут оказался? И что между нами было? Нет, нет, ничего не могло быть. Нет. Я бы не стал так поступать с Мариной.

– Кофе будешь? – девушка проходит в кухню, заглянув в ванную, я рассматриваю в зеркало мятое лицо. Быстро умывшись и сполоснув рот с зубной пастой, иду следом, прислоняюсь к столу, складывая на груди руки.

– Как я тут оказался?

Она поворачивается, поставив турку на огонь.

– Не помнишь? Ты был так пьян, что это неудивительно.

– Ты надела мою рубашку?

Дурацкий вопрос, но я не могу набраться сил, чтобы спросить главное. Черт, неужели я... Присматриваюсь к девушке, надеясь, что ее лицо даст хоть какой-то намек. Но она непроницаема. Только улыбается уголками губ и смотрит своими космическим глазами. Космическими? Да ты поэт прямо, Дима. Нашел время.

– Да, – кивает она, – вернуть?

– Было бы неплохо.

– Без проблем.

Берется руками за края, и не успеваю я вставить хоть слово, как девушка стягивает рубашку через голову. На мое счастье, Ди в нижнем белье. На мое несчастье, у нее офигенная фигура. Тонкая талия, высокая полная грудь, длинные стройные ноги. Я далеко не сразу отвожу взгляд от ее тела, но девушка спокойно ждет, позволяя мне рассмотреть.

– Держи, – подходит ближе, я выпрямляюсь, потому что отступить некуда, сзади стол.

Забираю рубашку, глядя на девушку. Она очень близко, на расстоянии максимум двадцати сантиметров. Черные распущенные волосы растрепаны, но ей идёт, подходит к образу. Ди облизывает пухлые губы, не сводя с меня взгляда, я знаю, что должен отстраниться, оттолкнуть ее, что-то сказать, но на меня словно напал столбняк.

– Никогда не видела таких сексуальных зануд, – тихо говорит она, проводя ладонями по моей груди вверх, обхватывает за шею, заставляя наклониться ближе.

Я тяну ее запах: ягодный свежий аромат, который у меня ассоциируется с летом в деревне у бабушки. Самое счастливейшее время в моей жизни.

Ди улыбается, а потом притягивает меня ещё ближе и целует.

Глава 8

Ди

Он такой скромный, что это даже умиляет. Вижу, как нервничает, теряется, напрягается при моем приближении. Вроде бы взрослый парень, красавчик, тело выше всяких похвал, а ведет себя как шестнадцатилетний девственник.

И все-таки вижу, как он на меня смотрит, как громко выдыхает через нос, когда я тяну его к себе. Конечно, ему бы не помешало сначала принять душ, но ситуация сложилась как-то сама собой.

Я обхватываю его губу своими, прижимаюсь к горячему твердому телу, чувствуя возбуждение. Он отвечает, хотя и неуверенно, но почти сразу кладет руки мне на поясницу и прижимает к себе, а следом отпихивает.

Я отступаю на несколько шагов назад, разглядывая его с любопытством. Знаю же, что не против, но борется, видимо, с какой-то моральной проблемой.

– Прости, – парень хмурится, потирает лоб, жмурясь. – Дело не в тебе, правда, – снова обращается ко мне. – Ты классная, и все такое, просто...

Он не договаривает, я, пожав плечами, отворачиваюсь.

Как раз вовремя, чтобы снять с конфорки закипающий кофе. Наливаю в чашку и, повернувшись, интересуюсь:

– Так кофе будешь?

Парень успел надеть рубашку, застегивается, отвернувшись от меня.

– Нет, спасибо, мне надо идти, – кидает, чуть повернув голову, настолько, чтобы не увидеть мое тело.

– Даже не спросишь, как попал ко мне?

Вздыхнув, он опускает голову. Потом все же поворачивается. Взгляд снова охватывает мое тело, парень с трудом, но отводит его.

– Ты не могла бы одеться?

Закатив глаза, иду в комнату, натянув растянутую мужскую футболку, возвращаюсь обратно.

– Пойдет? – спрашиваю с улыбкой.

Он косится на мои ноги, но ничего не говорит. Налив еще один кофе, ставлю на стол и сама сажусь. Потоптавшись, парень присаживается, притягивает к себе чашку.

– Тебя как зовут? – спрашиваю его.

– Дима. Как я оказался в твоей квартире?

Сделав глоток, рассматриваю его, отчего парень нервничает. Так и тянет что-нибудь соврать, чтобы посмотреть на душевные муки. Но все-таки говорю правду.

– Ты был очень пьян, документов при тебе не оказалось, телефон выключен и на блоке. Пришлось проявить сострадание.

Дима кивает, смотрит в чашку, так и не сделав ни одного глотка. Вообще-то, охрана хотела выкинуть его из бара еще за пару часов до закрытия. Но я сказала, что он мой знакомый, и попросила не трогать. Поэтому парень мирно спал за столиком, пока не кончилась моя смена.

А потом и впрямь оказалось, что отправлять его некуда, вот я и забрала себе. Не скрою, надеясь на продолжение утром. Но кажется, друг-балагур был прав: Дима самый настоящий зануда.

– Спасибо за сострадание, – кивает он снова. – И за кофе, и вообще... Я, наверное, пойду.

Я пожимаю плечами. Неловко поднявшись, Дима идет в прихожую, обувшись, хлопает себя по карманам.

– Еще раз спасибо, – смотрит на меня, я молча пью кофе. – И извини, что доставил неудобства.

– Брось, никаких удобств, ты так горячо обнимал меня во сне, это будет моральной компенсацией.

Дима снова меняется в лице, прикрывает глаза, явно желая смыться подальше, причем не столько от меня, сколько от самого себя.

– Мы спали вместе?

Киваю.

– Ну извини, отдать тебе единственный диван и спать на полу... Так далеко мое сострадание не заходит.

– Ясно.

Он морщится, понимая, как глупо звучит его ответ. От-

ставив чашку, я выхожу к нему, чувствуя, что парень снова напрягается. Тяну руки и поправляю воротник рубашки, глядя ему в глаза. Он следит за мной, готовый, по всей видимости, отразить удар. В любви, как на войне, блин.

– Хорошего дня, Дима, – я провожу ладонями вниз по его груди, он немного нервно усмехается, кивая.

– И тебе, Ди.

Дверь захлопывается, и все, нет больше зануды в моей квартире. Качнув головой с улыбкой, возвращаюсь в кухню и залезаю с чашкой на подоконник. Что ж, в этот раз не повезло, осталась без секса. Хотя я была бы не прочь переспать с ним, даже невзирая на всю его неловкость. Сама не знаю, но есть в нем что-то цепляющее.

Наблюдая, как Дима растерянно озирается по сторонам, оказавшись во дворе, пишу сообщение Зое. Мы договорились встретиться сегодня, ходим в киношку и что-нибудь поедим после. Заодно обсудим то, как ее сын отреагировал на развод.

* * *

– Наверное, это странно, да? – спрашивает Зоя, когда после очередного фильма про супергероев мы садимся за столик в пиццерии. – В моем возрасте глупо так фанатеть от подобных фильмов? И так переживать за происходящее на экране.

– Да ты что, Зой, это, наоборот, круто, – не соглашаюсь я. – Не соответствовать статусу, который навязывает общество по возрастной норме, а просто быть собой и не прятать эмоции. Ты вот сама скажи: тебе по ощущениям сорок пять?

– Нет, – шепчет Зоя, закусывая губы, чтобы скрыть улыбку, и качает головой. Во взгляде пляшут самые настоящие чертята. – Иногда мне кажется, что мне шестнадцать. Нет, правда, оглядываюсь на свою жизнь и думаю: кто мне это все доверил, мне же шестнадцать!

Я смеюсь, хлопая в ладоши. Зоя сама непосредственность, честное слово. Как редко встретишь человека, способного быть вне рамок просто по велению сердца. Даже не осознавая, насколько это уникально.

– В двадцать два я такого не чувствовала, – продолжает она, после того как мы делаем заказ. – Мне казалось, я уже взрослая, самостоятельная, хотелось этого больше и больше. В юности пытаешься доказать, что можешь быть наравне со взрослыми, а когда взрослеешь, потребность кому-то что-то доказывать пропадает. Наверное, в этом разница. Хочется просто чувствовать себя счастливым. Смотреть на свою жизнь и понимать, что ты там, где хочешь быть. И неважно, что об этом подумают остальные.

Она немного грустно вздыхает, я глажу ее по плечу.

– Ты справишься со всем, Зоя, – говорю ей. – И будешь там, где хочешь быть.

– Мне бы твою уверенность, – кидает она на меня взгляд.

– Банально прозвучит, но нужно время. Сама знаешь наверняка, когда кажется, что невозможно пережить что-то, принять, забыть... А потом проходит время, и это как-то само собой занимает в твоей душе место, и ты уже можешь думать об этом и не плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.